

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
ДОНСКОГО МУЗЕЯ:**

каталог коллекции Х.И. Попова

Министерство культуры
Российской Федерации
Министерство культуры Ростовской области
Новочеркасский музей истории донского казачества
Ростовское региональное отделение
ООГО «Российский фонд культуры»

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ДОНСКОГО МУЗЕЯ:

каталог коллекции Х.И. Попова

Альгаир
Ростов-на-Дону
2021

УДК 902/904 + 069.538
ББК 63.4(2Р37)+79.1
А-87

Министерство культуры
Российской Федерации
Министерство культуры Ростовской области
Новочеркасский музей истории донского казачества
Ростовское региональное отделение
ООГО «Российский фонд культуры»

Руководитель проекта *С.А. Сединко*
Под редакцией *А.Л. Бойко* и *Е.В. Ситливой*

А-87 Археологические находки Донского музея: каталог коллекции Х.И. Попова (Публикация текста, иллюстрации, вступительные статьи, примечания и комментарии) / ГБУК РО «Новочеркасский музей истории донского казачества», Ростовское региональное отделение ООГО «Российский фонд культуры»; Отв. ред. к.и.н. А.Л. Бойко, Е.В. Ситливая
Издание – Ростов-на-Дону, «Альтаир», 2021. – 272 с. с ил.

ISBN 978-5-91951-682-8

Каталог археологических находок Донского музея, над составлением которого трудился Харитон Иванович Попов (1834–1925 гг.) представляет собой уникальный документ по истории археологического изучения Области войска Донского и становления музейного дела на Юге России, созданный в начале XX в. Сегодня подготовлена к публикации сохранившаяся часть оригинального текста «Каталога» и реконструированы его иллюстративные компоненты. В состав издания включены многочисленные архивные документы (рукописи, научные работы Х.И. Попова, фото-материалы), рассказывающие о создании и работе Донского музея в начале его истории.

Для археологов, музейных работников, студентов гуманитарных направлений подготовки вузов и всех, интересующихся историей Донского края.

ISBN 978-5-91951-682-8

ББК 63.4(2Р37)+79.1

© Министерство культуры Российской Федерации, 2021
© ГБУК РО «Новочеркасский музей истории донского казачества», 2021
© ООО Альтаир, 2021

*Взвешивающий Музей,
Статейный Советник Попов.*

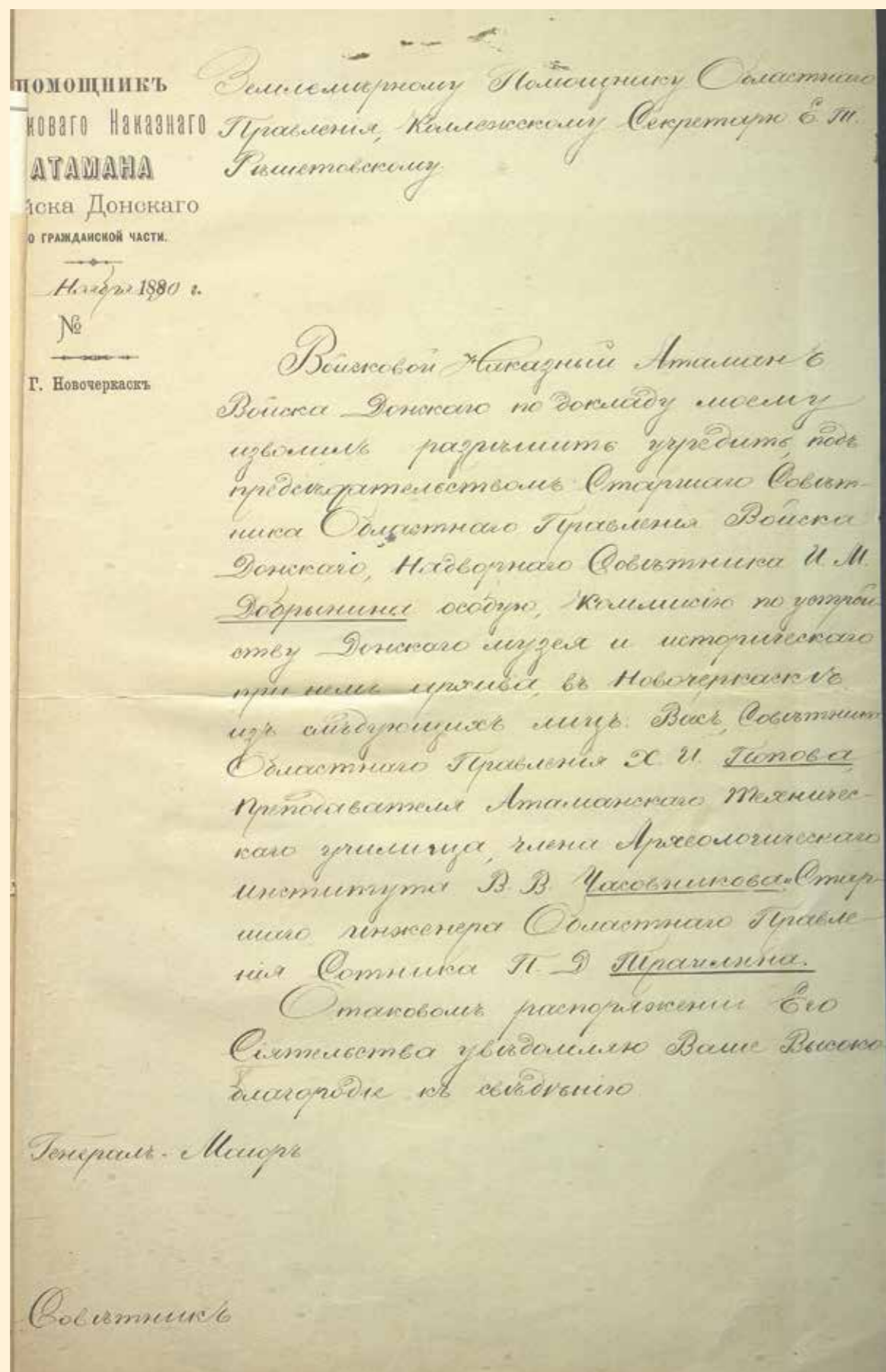

Рисунок 7. Распоряжение (канцелярская копия) от (?) ноября 1890 г. о создании Комиссии по устройству Донского музея и о назначении в ее состав Е.Т. Решетовского (ГАРО. Ф.55. Оп.1. Д.886. Л.1).

А.Л. Бойко

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ДОНУ: ОТ ПЕРВОЙ НАХОДКИ К МУЗЕЙНОМУ КАТАЛОГУ

(Исторический очерк)

Музею истории донского казачества в 2019 г. исполнилось 120 лет. Как отдельное войсковое учреждение он был торжественно открыт для посетителей 22 ноября 1899 г. Этому радостному событию предшествовала столетняя подготовительная работа выдающихся общественных деятелей Дона: педагогов и администраторов, офицеров Войска Донского и донских дворян-краеведов. Среди них особое место занимает первый заведующий Донским музеем Харитон Иванович Попов (Рисунок 1).

Отправной точкой в собирании древностей на Дону стало открытие в Старочеркасске (тогда еще Черкасске) гимназии классического типа, входившей в Харьковский учебный округ. Основанная в июле 1805 г. на базе Главного народного училища гимназия была одним из центров культурной жизни казачества. Стремясь привить ученикам интерес к знаниям, многие известные на Дону люди старались пополнить помещения училища, а потом и гимназии занимательными экспонатами. В первые годы XIX в. генерал-майор Б.А. Греков подарил училищу большую коллекцию окаменелостей, а из Войскового правления были переданы «зубы и кости большого зверя», найденные между рр. Доном и Кагальником. 22 марта 1807 г. на самом высшем административном уровне – заседании присутствия Войсковой канцелярии под председательством войскового наказного атамана генерал-лейтенанта А.Д. Мартынова – было принято решение об открытии в войсковой гимназии «кабинета редкостей» (Документ 1 – Здесь и далее смотри в разделе Приложение II. «Документы рассказывают...» – Ред.), в котором бы хранились многочисленные раритеты и древности.

Инициатором создания этой первой на Дону музейной коллекции стал известный донской деятель образования и культуры А.Г. Попов (1763 – 1844 гг.), выпускник Харьковского университета и первый историк из донских казаков, автор оригинального труда «История о Донском войске» (Рисунок 2).

Деятельность этого талантливой педагога, воспитавшего целую плеяду известных общественных деятелей Дона первой половины XIX в. (среди них и донские историки В.Д. Сухоруков, А.К. Кушнарёв, В.М. Пудавов) изменила само отношение к древностям. Пусть размышления ученого начала XIX в. о «старобытности начал казачества» и происхождении его от легендарных амазонок кажутся сегодня наивными, но именно они стали тем «интеллектуальным толчком», который заставил многих жителей Дона по-новому, с интересом взглянуть на прошлое края. С переводом гимназии в 1809 г. в новую столицу Войска – Новочеркасск, гимназическое собрание раритетов – «музей редкостей» – становится местом, доступным для осмотра и многочисленным проезжающим через город путешественникам. Теперь среди естественнонаучных экспонатов (образцов горных пород и палеонтологических находок) можно было увидеть и остатки исторических древностей. Одно из первых описаний этого собрания оставил известный донской историк В.Д. Сухоруков (1795 – 1841 гг.): «Что скажу о гимназии Новочеркасской? Правительство расположено

в пользу учения: однако же я не хочу касаться личностей. В гимназии есть несколько окаменелостей и монет, найденных на одном городище близ села Недвиговки. Недавно, по распоряжению войскового атамана, доставлены в гимназический кабинет камень, найденный в земле, в даче капитанши Лоцилиной, близ Михайловской станицы, на Хопре. На камне том высечены какая-то странная надпись и крест». Издатель «Отечественных записок» П.П. Свиньин, который лично посетил Дон, обратил внимание в Новочеркасской гимназии на «камень с греческою надписью и крестом, найденный на одном городище по Аксаю».

Постепенно пестрое собрание раритетов приобретало традиционный для начала XIX в. «кунсткамерный» характер с распределением находок по основным типам (археология, нумизматика, палеонтология), но без сопутствующих научных описаний. Формирование полноценной исторической коллекции стало возможным с принятием нескольких распоряжений по Войску Донскому, регламентирующих сбор различных древностей и диковинок и их последующее хранение, первое из которых было принято еще в 1818 г., а последующее в 1831 г. (*Документы 2-3*).

Однако наиболее ценные находки, представленные, как правило, античными и средневековыми монетами, поступали от частных лиц. И тогда находит объяснение легкость, с которой был открыт кабинет древностей в Новочеркасской гимназии. Ведь решение о его открытии принимал самый активный даритель. Именно А.Д. Мартынов в 1806 г. передал в «кабинет Черкасской гимназии одну золотую, 14 серебряных и 10 медных» монет. Щедрым дарителем и известным краеведом стал его сын — А.А. Мартынов, последний из владельцев хутора Недвиговка, на землях которого и донныне находятся руины античного города Танаиса.

Большинство предметов из первой коллекции Новочеркасской гимназии погибло во время пожара в 1825 г. Огонь уничтожил вещи, но не стремление собирать древности. Первая половина XIX в. стала своеобразным расцветом в создании обширных коллекций в домах донских дворян: кроме Мартыновых, такие были у семейств Лукьяновых и Мержановых. А монеты можно было найти и в домах людей меньшего достатка, как простых казаков, так даже и священнослужителей. П.М. Леонтьев, профессор «римской словесности» Московского университета, производивший раскопки на Дону в 1853 г., указывает на монету Савромата II, найденную на Елизаветовском городище в 1824 г. и хранившуюся у «протоиерея станицы почтенного старца Дикова».

Раскопки в 20-х гг. XIX в. вели ученики А.Г. Попова — ставший известным историком декабрист В.Д. Сухоруков (Хоперский округ, Цимлянская станица) и его единомышленник, сделавший позже военную карьеру А.К. Кушнарев (Недвиговское и Елизаветовское городища). Их работы, известные по немногочисленным описаниям, подтверждаются сведениями П.М. Леонтьева, тщательно изучавшего в 1853 г. (перед началом широкомасштабных археологических раскопок в низовьях Дона) все данные о предшествующих раскопках и местные коллекции древностей.

23 марта 1831 г. было принято распоряжение по Войску Донскому, прямо обязывающее станичные правления собирать «редкости» и «отсылать из начальства в дирекцию училищ войска Донского» (*Документ 3*).

Сегодня пока сложно характеризовать «восстановленную» во второй четверти XIX в. коллекцию раритетов Новочеркасской гимназии. Известны лишь цифры, определяющие количественный состав двух самых больших гимназических коллекций — нумизматики и минералогии. В отчёте по Новочеркасской войсковой гимназии за 1838 год, составленном исполняющим должность директора Иваном Яковлевичем Золотарёвым, зафиксировано хранение в минц-кабинете 273 медалей и монет, а в минералогическом собрании — 450 экспонатов, включая палеонтологические и антропологические материалы. Безусловно, часть

этих предметов относилась к археологическим находкам с территории огромного Войска Донского, хотя подобные собрания зачастую пополнялись и многочисленными привозными диковинами. Среди них чаще всего оказывались средневековые арабские монеты, восточное оружие, бытовые предметы, ставшие трофеями казаков в нескончаемой Кавказской войне и других военных конфликтах Российской империи. Но постепенно традиции коллекционирования в стенах гимназии были утрачены. Изменения во всех аспектах жизни Дона, произошедшие после введения в 1835 г. «Положения об управлении войском Донским» отразились и на приоритетах в системе образования. В отличие от А.Г. Попова, увлечённого древней историей, новые руководители Новочеркасской гимназии были озабочены воспитанием юношества в твёрдых «национальных и духовно-нравственных традициях», что являлось основой идеологии николаевского времени. Серьёзной причиной для постепенного свёртывания музейной деятельности было и отсутствие у Новочеркасской гимназии собственного здания, которое появилось только в 1876 г.

К середине XIX в. основным центром накопления исторических сведений и хранения найденных древностей стал Области войска Донского Статистический комитет, учрежденный в 1839 г. В его помещениях, расположенных в Войсковом правлении, теперь находились наиболее ценные находки, обнаруженные на Дону. Это положение вещей существовало вплоть до создания Донского музея. Сотрудники комитета, связанные с выполнением многочисленных научно-статистических исследований, по мере сил занимались вопросами истории и культуры Дона. На Дону сформировалась устойчивая традиция исследования древностей, которой не могли помешать официальные препоны, затянувшие открытие первого публичного музея до 1899 года.

После реформирования состава Статистического комитета в 1865 г. стал актуальным вопрос об открытии собственного музея в Области войска Донского. На заседании 15 января 1868 г. А.М. Савельев («управляющий делами» Статистического комитета в 1863-1873 гг.) представил «Записку о создании местного музея», на основании которой было принято решение об организации его как места, призванного «служить образовательным и наглядным средством для знакомства с краем». В составе собрания предусмотрено и «Археологическое отделение», куда должны были попасть «все более замечательные остатки древностей, найденные в земле войска Донского, как-то: монеты, кости, старинные книги, рукописи и т.п.». Так «Программа собирания предметов для местного Донского музея, учреждаемого при Донском статистическом комитете» определяла приоритеты в формировании археологической и исторической коллекций.

Объявление о создании музейного собрания и публикация его программы вызвала широкий резонанс среди местного населения. В адрес Статистического комитета стали присылать многочисленные материалы по истории Дона, среди которых были и археологические находки.

Положительного отклика донские инициативы в столице не получили. Существовало несколько взаимосвязанных причин, которые задержали открытие Донского музея на тридцать лет (до 1899 г.). В «сметных суммах Войска Донского» расходы на подобные цели не были предусмотрены, а отдельные пожертвования проблемы не решали, поскольку речь шла о ежегодном финансировании. Общероссийская практика открытия музея при каком-либо научном обществе или общественной организации здесь также была маловостребованной. Правительство считало, что любое общественное объединение на Дону, в первую очередь гуманитарного профиля, станет центром распространения идей казачьего «автонизма».

Вопрос о создании на Дону собственного музея косвенно был связан и с деятельностью Императорской Археологической комиссии — первой российской государственной

организации, ведавшей исследованиями древностей. Созданная в 1859 г. Комиссия организовала несколько экспедиций на Дон (В.Г. Тизенгаузена, 1865 – 1868 гг.; П.И. Хицунова в 1870 – 1871 гг.; В.И. Ястребова в 1890 г. и др.). Чаще всего объектами раскопок становились курганные могильники, концентрировавшиеся вокруг поселений, известных сегодня как Недвиговское и Елизаветовское городища, памятники Кобяковского городища и остатки строений на территории бывшей Азовской крепости (тогда посада Азов). Именно Археологическая комиссия производила надзор за доставкой всех ценных находок, произведенных во время официальных раскопок, найденных случайно или добытых кладоискателями, на «Высочайшее воззрение» русского императора и его семьи. После этого наиболее ценные – пополняли экспозиции или запасники крупнейших музеев страны, прежде всего Эрмитажа, а признанные «не представляющими интереса» возвращались на место обнаружения. Далеко не все из них сохранились до наших дней.

Судьба многих замечательных артефактов, прежде всего драгоценностей из кургана «Хохлач», найденных в 1864 г., не оставляла равнодушными донских энтузиастов. Не случайно, в публикуемом ныне «Каталоге археологического отдела Донского музея» (1 – здесь и далее см. «Примечания» в конце текста. – Ред.) под №№ 1870–1883 (Таблицы IX–X) указаны предметы, хранимые и по сию пору в «Золотой кладовой» Эрмитажа. Здесь же данные и о «Мигулинском кладе» (№ 1884 «Каталога» – так, в сокращенной форме, мы будем далее именовать это издание. – Ред.), судьба которого оказалась более драматичной. (Таблица VIII).

Сотрудникам Комиссии, приезжавшим на Дон, нередко вменялось в обязанность и наблюдение за местными любителями старины и коллекционерами древностей, что тоже далеко не способствовало укреплению научных связей между Доном и Санкт-Петербургом. К этому следует прибавить и зачастую пренебрежительное отношение представителей донской дворянской элиты к столичным ученым. «Старший мыслит по-петербургски, и из их поисков никакого проку не будет», – так на заре становления донской археологии характеризовал планы раскопок Недвиговского городища его бывший владелец – полковник А.А. Мартынов. Речь шла о проведении археологических исследований в низовьях Дона профессором П.М. Леонтьевым, по прямому разрешению самого Николая I.

Это не означало изоляцию донских любителей старины от общероссийских инициатив в сфере изучения и учета памятников археологии.

Среди исследовательских программ Московского археологического общества особую роль играло составление общего реестра памятников древности в стране и археологических карт регионов. Члены Статистического комитета приняли участие в массовом анкетировании 1872–1873 гг. территориальных органов власти – станичных и волостных правлений, по специальному опросному листу, составленному известным ученым Д.Я. Самоквасовым. Эта работа, предусматривающая описание различных типов памятников, позволила уточнить местонахождение археологических объектов на территории Области войска Донского и стала первым шагом к широкомасштабным исследованиям древностей края. Анкетирование, начатое А.М. Савельевым (выпускником Новочеркасской гимназии и историко-филологического факультета Харьковского университета), было завершено А.Л. Крыловым и опубликовано в виде значительного научного исследования «О старине Донской области». Эта работа вышла в свет, когда ее автор уже навсегда покинул земли Донского края. Тем не менее, вплоть до 1950 г. она оставалась наиболее полным описанием основных археологических и исторических памятников Дона, с указанием на их реальное местоположение и историко-культурной атрибуцией.

Важным шагом на пути создания Донского музея стали первые раскопки, проводившиеся донскими любителями старины. Большинство археологов этого времени было связано с системой народного просвещения. Спасательные работы на Недвиговском

городище в 1869 г. проводил учитель рисования Новочеркасской гимназии Г.А. Ознобишин, к которому присоединился и ее директор С.С. Робуш. Значительные по масштабам своего времени раскопки в нескольких округах Войска Донского проводил инспектор народных училищ А.Л. Крылов (1845 – после 1913 г.) (Рисунок 3). Однако его находки 1878 – 1879 гг. дополнили коллекцию достаточно тогда «молодого» Исторического музея в Москве и вплоть до 70-х гг. XX в. были представлены в экспозиции зала «Бронзового века», где и сегодня отражены в его каталогах.

Первые археологические наблюдения и раскопки Г.А. Ознобишина и А.Л. Крылова имели частный характер, поскольку финансировались не Археологической комиссией, а из средств войсковой казны. «Позволение копать курганы Атаман обещал дать. Это относительно Войсковых земель он обещал. На юртовых же землях позволят, несомненно, рыться Станичные общества, о чем я и просил их печатно через «Областные Ведомости», – писал своим столичным корреспондентам А.Л. Крылов.

Отсутствие единого, постоянно действующего хранилища донских древностей привело к тому, что при достаточно частом упоминании как в периодической печати (неофициальная часть «Донских областных ведомостей»), так и в документах Археологической комиссии о находках с территории Области войска Донского, реальное их количество было очень невелико. Самые ценные находки хранились в Войсковом правлении, причем существовала система проверки их сохранности. Специальный опечатанный сундук должен был открываться два раза в год, происходил пересчет хранимых предметов и проверка их сохранности. При этом подробной описи предметов с указанием места и ситуации обнаружения находок, по-видимому, не существовало. Менее ценные находки были рассеяны по остальным подразделениям Войскового правления (канцелярия, архив и др.), причем их количество к 1884 г. – времени проведения очередной ревизии – было невелико. В документах Статистического комитета отмечено «77 серебряных и медных старинных монет и 14 экземпляров разных археологических предметов».

В 1882 г. Г.А. Ознобишин (1837 – 1902), выпускник Академии художеств, преподававший рисование и черчение в различных учебных заведениях Дона и ставший известным донским краеведом, вновь создал «Программу Донского музея» и опубликовал ее в «Донском справочном листке». На свои средства он отпечатал 400 экземпляров этой программы и разослал в научные учреждения, музеи России, а также окружным и станичным атаманам. В приписке к «Программе» Ознобишин просил дать обращение к читателям: «оказывать всяческое содействие в устройстве Донского музея». Сама программа предполагала создание музея, состоявшего из трех отделов: исторического, археологического и этнографического.

Кипучая деятельность Г.А. Ознобишина на шаг опережала и предвляла деятельность войсковых властей. Действуя практически на свой страх и риск, Г.А. Ознобишин сумел организовать несколько экспедиций на основные памятники Нижнего Дона (Недвиговское городище, Нижне-Гниловское городище, посад Азов), причем список его находок был достаточно впечатляющ не только по номенклатуре, но и по их физическому объему. Итогом работ 1886 г. стало такое количество находок, которые «едва только могут уместиться на двух воловьих подводах» (Документ 4).

Многие годы Г.А. Ознобишин занимался сбором материалов по церковной архитектуре Дона и создал впечатляющий набор изображений храмов большинства округов Войска Донского, которые сведены в несколько альбомов. Особенно привлекали его деревянные постройки, традиции строительства которых относились к древности казачества и могли быть «ключом» в исследовании его исторических истоков. Сам художник не получил систематического гуманитарного образования и его эмпирические наблюдения зачастую вели к недостаточно обоснованным историческим выводам (Документ 5). С этим связано

и отсутствие научных работ Г.А. Ознобишина, который предпочитал исследовательскому труду краеведа-историка жанр административной переписки, которая и характеризует его историко-архитектурные и археологические поиски. В этом отношении его современник А.Л. Крылов, как выпускник Казанской духовной академии, обладал неизмеримо большими познаниями в древней истории и филологии, что не могло не отразиться на качестве и востребованности его научных трудов и публицистических работ.

В феврале 1883 г. войсковой наказной атаман Н.И. Святополк-Мирский ходатайствовал перед военным министром о создании в Новочеркасске публичной библиотеки и музея (*Рисунок 10*). После этого, в этом же году Г.А. Ознобишину был выдан очередной официальный мандат, в котором окружным и станичным атаманам было предписано оказывать всяческое содействие в осмотре и сборе предметов донской старины. На сохранившихся документах того времени обозначена громкая, но лишенная реального официального статуса должность Г.А. Ознобишина: «*Занимающийся по поручению Войскового наказного атамана Войска Донского собиранием материалов для проектируемого Донского музея*». Но даже это официальное признание пришло слишком поздно, поскольку эпоха контрреформ Александра III не предвещала быстрых положительных изменений в культурном развитии региона.

Были проблемы и иного, скорее нравственно-политического характера: наиболее активные исследователи донских древностей 70-х — начала 80-х гг. XIX в. Г.А. Ознобишин, А.Л. Крылов и С.С. Робуш не были ни казаками, ни уроженцами Дона. Образованная часть донского казачества не принимала их в свой круг, а без этой поддержки на успех в организации раскопок, а тем более в создании Донского музея, невозможно было рассчитывать.

В этих условиях вновь остро стал вопрос о человеке, способном реализовать «носившиеся в воздухе» идеи создания музея в столице донского казачества и претворить их в жизнь. Таким человеком стал Харитон Иванович Попов (1834 — 1925), принимавший самое деятельное участие в работе Статистического комитета после его реформирования в 1865 г. Тогда и было написано письмо от 3 января 1884 г. за №160, которое неофициально называется «отказным», поскольку именно в нем первые донские археологи Г.А. Ознобишин и А.Л. Крылов фактически передали Х.И. Попову свои полномочия и просили «*принять на себя обязанность организовать в Новочеркасске Общество Любителей Донской старины в целях скорейшего формирования Музея, этого вместе научного и полезного для Донского края учреждения*» (*Рисунок 6*). Безусловно, речь шла не о каких-то административных полномочиях, а, скорее, о морально-этической ответственности за столь важное дело.

Подобная последовательность создания музейных собраний была распространена в России второй половины XIX в. Предполагалось, что научное общество аккумулирует средства (членские взносы, пожертвования, выручку от продажи печатных изданий и др.) и вкладывает их в развитие музея. Сотрудники общества, производящие археологические раскопки, постепенно формируют его коллекции. Такая система привела к организации Исторического музея в Москве (в чем сыграло значительную роль Московское археологическое общество) или музея в г. Ростове-на-Дону, где сначала было основано Ростовское общество истории, древностей и природы. Но создание какой-либо общественной организации в планы войскового начальства не входило, и создание музея пошло проторенным «командно-административным путем», для которого кандидатура Х.И. Попова на должность заведующего полностью подходила. Его соратниками стали члены Комиссии по устройству Донского музея (*Рисунок 8*).

Выходец из патриархальной казачьей среды, участник событий Крымской войны, Харитон Иванович служил в различных должностях по гражданскому управлению Войска Донского. Отличное знание географии Дона, многочисленные поездки по округам (преимущественно «верховым») и работа в станичных архивах позволили собрать обширные

сведения о памятниках археологии, которые легли в основу его первой крупной научной публикации, представленной на I Археологическом съезде в Москве (1869 г.).

В 1863 г. Министерство внутренних дел обратилось с циркуляром ко всем Статистическим комитетам Российской империи, предписывающим принять участие в описании памятников древности. В обработке информации с мест принимала непосредственное участие и Археологическая комиссия. Именно в ее адрес в июне 1868 г. был отправлен рукописный доклад Х.И. Попова о древностях Хоперского и Усть-Медведицкого округов и даже ряд археологических находок, сделанных по течению р. Бузулук. Эти работы были проведены Х.И. Поповым еще в 1863 г. Доклад «осел» в архивах Археологической комиссии (*Рисунок 24*), но, по рекомендации члена Московского археологического общества, профессора Харьковского университета Н.Д. Борисяка, он был включен в программу работы I Археологического съезда в Москве.

Устроителем Археологических съездов в России было Московское археологическое общество (1864 г.) во главе которого стоял граф С.А. Уваров (1824 — 1884), а после его смерти — его жена, графиня П.С. Уварова (1840 — 1924). С ее именем связаны многие яркие страницы в истории изучения древностей Дона. Именно она была инициатором развития связей с объединением донских историков и краеведов, усилиями которых и был создан Донской музей. Особенно крепкими эти контакты стали в начале XX в., причем П.С. Уварова, несмотря на огромную социальную разницу, всегда с уважением относилась к Х.И. Попову, к которому могла обращаться и с частными просьбами.

19 марта 1869 г., на первом (вечернем) заседании I Археологического съезда, в I Отделении («древности первобытные»), была представлена работа Х.И. Попова «Сведения о древних памятниках, находящихся в земле Войска Донского» (*Приложение 1*). Это был переработанный доклад 1868 г., расширенный за счет привлечения материалов, опубликованных различными корреспондентами неофициальной части «Донских областных ведомостей», основного периодического печатного издания Войска Донского. Существенно расширилась и география описываемых территорий.

Задача Х.И. Попова заключалась в систематизации разнородной информации по следующим разделам, отражающим специфику конкретных памятников:

- I. *Городища, пустоши, остатки укреплений и пещеры;*
- II. *Замечательные курганы;*
- III. *Особые сведения о находках древних вещей;*
- IV. *Урочища, о коих сохранились предания.*

Внутри каждого из разделов памятники рассматривались не по административному делению Войска Донского (по округам), а по течению рек: Дона, Донца, Миуса, Хопра, Бузулука, Кумылги (приток Хопра), Медведицы, Маныча, Сала. Именно этот принцип будет позднее положен в создание и формирование первой экспозиции музея.

Доклад Х.И. Попова был опубликован в «Трудах» I Археологического съезда и явился на многие годы одной из наиболее авторитетных работ по археологии Дона, а его автор постепенно стал одним из наиболее известных специалистов в области истории региона (*Рисунок 23*). Этому способствовал карьерный рост Харитона Ивановича, участие в многочисленных комиссиях и комитетах, стремившихся упорядочить систему управления различных учреждений Войска Донского. Большое значение имели и личные связи Х.И. Попова с представителями донского дворянства, составлявшими достаточно замкнутое сообщество.

С 1884 г. начинается планомерный сбор материалов специально для будущего музея. К моменту его официального открытия сформировалась сравнительно небольшая, но собственная новая коллекция. С 1884 г. она хранилась в канцелярии войскового атамана, с 1888 г. — в здании Областных присутственных мест.

Отсутствие постоянного места хранения коллекций и специальной организации, призванной заниматься созданием музея, зачастую приводили к печальным последствиям. Показательна судьба археологической коллекции (*Рисунки 25-26*), собранной к 1886 г. в нескольких округах Войска Донского талантливым молодым художником В.В. Часовниковым (*Рисунок 4*), позднее принявшим монашество под именем о. Авраамия (1864 – 1918). Во время обучения в Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге В.В. Часовников имел возможность посвятить свое каникулярное время сбору сведений по истории Дона. Из числа его «археологических путешествий» наибольшую значимость имели командировки 1886–1887 гг. по ряду округов Войска Донского. Наделенный значительными полномочиями от Статистического комитета, он должен был проводить обследование археологических мест: курганов, могильников, стоянок «древних людей», а также изучать материалы станичных войсковых архивов, церквей и монастырей. Самой значительной по результатам оказалась поездка по станицам Второго Донского и Усть-Медведицкого округов. Рассказ о сборе материалов и рисунки части предметов (*см. Рисунок 33*) из этой коллекции были опубликованы в журнале «Дон» за 1887 г.

Замечательное собрание древностей было отправлено из Новочеркасска в г. Санкт-Петербург на «высочайшее воззрение» императора Александра III, лучшие вещи были оставлены для музеев столиц империи, а остальные находки отправлены обратно. Часть раритетов была повреждена при перевозке, некоторые утрачены, а накладные расходы пришлось возмещать лично создателю коллекции. Возвращенные на Дон предметы не были атрибутированы, а просто признаны «незначительными» для хранения в столичных собраниях (*Рисунок 25, Документ 6*). Но многие значимые находки тех лет сохранились и ныне выставлены в экспозиции зала I «Археология» Новочеркасского музея истории Донского казачества (*Рисунок 27-31*). Всего в «Каталоге» Донского музея сегодня отмечено порядка 46 наименований находок В.В. Часовникова, сделанных в 1885–1887 гг. (*Приложение 3*), но их реальное количество в фондах и экспозиции музея больше на несколько десятков (*Рисунок 32*).

Более успешно окончилась миссия В.В. Часовникова на крупнейший памятник Дона – раннесредневековое Цимлянское городище – исторический Саркел (*Рисунок 15*). После проведения здесь в 1887 г. раскопок Н.И. Веселовским, сотрудником Археологической комиссии, значительная часть находок была оставлена на Дону. Не были вывезены и громоздкие архитектурные детали: две мраморные колонны, мраморная база, капитель с изображением византийского креста и др. Они были доставлены в Новочеркасск и вместе с 23 «коробами» ненужных столичным музеям артефактов стали одной из первых коллекций музея, сформированных из находок замечательного памятника. Некоторые из них и сегодня можно увидеть в экспозиции современного Новочеркасского музея истории донского казачества (*Рисунки 34-35*). Эти находки стали первыми экспонатами традиционной для любого Археологического съезда выставки, представляющей наиболее интересные находки, сделанные во всех концах необъятной Российской империи.

* * *

1890 г. стал поистине переломным годом в истории донской археологии: на VIII Археологическом съезде в Москве (8–24 января) впервые была представлена экспозиция, целостно воссоздающая древнюю историю Дона – от каменного века до эпохи средневековья. Показательно, что в списке организаторов или участников этого съезда какие-либо донские организации не значились. В каталоге выставки, опубликованном к открытию съезда, находки из Области войска Донского обозначены как «Список предметам древности,

найденным в области Войска Донского. От Попова». Тем не менее, в списке экспонатов (*Документ 7*) было 68 наименований различных находок (**2**), некоторые из них (архитектурные мраморные детали из Саркела) были представлены в виде фотографий. На выставке отсутствовали нумизматические находки, которые тогда запрещалось выставлять в экспозициях Археологических съездов.

Можно представить удивление сотрудников Археологической комиссии, когда они увидели в этом собрании первоклассные вещи, неизвестные в Санкт-Петербурге. Поэтому в тот же год на Дон приехал сотрудник Комиссии В.Н. Ястребов, которому предстояло произвести исследование в Азове, где в 1889 г. при строительных работах была обнаружена средневековая надгробная плита И. Корнаро (*Таблица XXVI*), венецианского консула в Тане (XIV в.), – она и сегодня украшает экспозицию Новочеркасского музея истории донского казачества (*Рисунок 36*).

Исследователю поручалось изучить обстоятельства находки и обследовать участок на Петровском спуске в Азове с целью «выяснения условий и обстановки нахождения» плиты. Эта часть миссии В.Н. Ястребова сегодня хорошо изучена. Кроме этого, за 6 недель пребывания на Дону ему было необходимо еще раскопать несколько курганов (близ Новочеркасска, у хут. Мостовского), выяснить у купца И.С. Жученкова обстоятельства находки «Романовского клада» и осмотреть Красный курган у хутора Дарьинско-Ермаковского, разрытый урядником Фирсовым.

Эти задачи были определены инструкцией Археологической комиссии еще до начала исследований, проводившихся с 16 июня по 1 августа 1890 г. Гораздо меньше известно о выполнении В.Н. Ястребовым других заданий Комиссии (поставленных новой инструкцией, полученной им 1 июля) – сборе сведений о коллекциях древностей, находящихся в государственных учреждениях и у частных лиц, и о «составлении плана исследований в названной местности».

Именно В.Н. Ястребов оставил первое описание коллекции археологических находок, хранившихся в Новочеркасске летом 1890 г., в том числе и возвращенных из Москвы с окончанием Археологического съезда:

«Новочеркассский областной музей в настоящее время еще не открылся, хотя древности для него собираются; остановка только за помещением, но есть уже и средства для приобретения его. Во всяком случае, наиболее интересные древности мы видели в Областном Правлении в Новочеркасске, благодаря Х.И. Попову, советнику Областного Правления, которой показал нам все, что мог, так как значительная часть вещей остается в ящиках, по недостатку места.

Мы обратили внимание на следующие древности этого собрания:

– мраморная плита с арабской надписью, по сведениям г. Попова – XIV в., вымыта вешней водой в холме близ ст. Новониколаевки Таганрогского округа, на земле гг. Козлова (?) и Фролова. Поодаль, в том же районе, открыта пещера, над ней был камень с изображением орла (уничтожен);

– верхняя часть глиняного кувшина в виде головы быка, черты лица которого выполнены желтыми полосками по черному фону, а шерсть на шее – в виде черных чешуек по желтому фону; по стилю и технике предмет этот показался нам принадлежащим к восточной керамике. Кувшин вымыт водой в кургане близ хутора Большинского, на р. Цускан (приток Чира);

– две медные статуэтки, фаллусовые: у одной руки сложены на груди, у другой согнуты к бокам; у одной наверху – ушко, другая – с отбитой головой. Они напомнили нам фигурку, виденную нами в Эрмитаже между сарайскими древностями. Найдены на р. Мечетке;

– бронзовые зеркала с ушками на тыльной части и с изображениями: 1) рыб (подобные у Лихачева, в исследовании о болгарских древностях), 2) пантеры, 3) тигра в человеческой короне и узором из стилизованных и сплетенных животных;

– бронзовое зеркало с китайской надписью;

— кувшин из Азова, одутловатой формы, с двумя ручками и с клеймом, напоминающим изображения на ольвийских львах;

— амфора глиняная, с греческим клеймом, из Батайской ст. (между Ростовом и Азовом).

— из Цымянского городища (близ Попова хутора) — мраморная капитель с византийским крестом, квадратные кирпичи с клеймами, медный крест с изображением Свв. Бориса и Глеба, формы для литья тыльных крестов, экземпляр «Владимирова серебра».

Можно упомянуть еще бронзовые удила и псалии (дугообразные) древневосточного типа, трехгранные и плоские бронзовые стрелки из юрта Чернышевской ст.

Монеты — преимущественно татарские; есть несколько экземпляров из эпохи Савроматов» (Рукописный архив РАН: Ф. 1, оп., 1, 1890 г., д. 9А, л. 30об.-31об.).

Коллекции частных лиц, осмотренные в г. Ростове-на-Дону, не произвели на археолога впечатления. Самое крупное из увиденных нумизматических собраний владельца книжного магазина Ф.И. Романовича было охарактеризовано как «пестрое и бессистемное». Но пройдет всего несколько лет и фамилия Романовича войдет в историю Археологической комиссии как создателя целой династии скупщиков добытых грабительскими раскопками древностей — участников ряда скандальных дел, связанных с разграблением курганов Дона и Предкавказья.

На первый взгляд миссия В.Н. Ястребова увенчалась успехом. Но реальное положение дел на Дону заставило археолога обратиться 27 сентября 1890 г. с личным письмом к В.Г. Тизенгаузену, в котором он сетовал на специфику донских условий, в которых ему пришлось работать. Особо было отмечено следующее:

«В заключении сообщу об одном обстоятельстве, о котором считал неудобным писать в отчете, а именно о кладоискательских раскопках, производимых в Донской Области войсковым есаулом Михаилом Марковым, который, по словам советника областного правления Попова, разрушает много курганов без всякого толка, ссылаясь на то, что будто у него есть открытый лист Археологической Комиссии, которого, однако, никому не показывает. Правду сказать, местные власти обязаны сами с ним справиться, но Попов просил меня написать Археологической Комиссии, что я считаю долгом своим исполнить». (Рукописный архив ИИМК РАН: Ф. 1, оп. 1, 1890 г., д. 9А, л. 20-20об.)

О раскопной деятельности «войскового есаула Маркова» сообщали и другие источники. Однако образ разрушителя курганов необходимо дополнить некоторыми биографическими данными, поскольку М.С. Марков был выпускником историко-филологического факультета Харьковского университета и входил в круг приближенных сразу к нескольким наказным атаманам Войска Донского (как адъютант или чиновник особых поручений). В 1892 — 1901 гг. (т.е. несколько трехлетних сроков подряд) он избирался на должность областного предводителя дворянства.

Другой яркий представитель донского дворянства — полковник М.И. Золотарёв, служивший в Санкт-Петербурге. Он прослушал двухлетний курс Археологического института и лично обращался в Археологическую комиссию с просьбой о выдаче Открытого листа на раскопки в Области войска Донского в 1887 г. Ходатайство было удовлетворено, но сами раскопки по какой-то причине не состоялись, и Открытый лист был возвращен в Археологическую комиссию. Следовательно, речь теперь шла о качественном изменении донского дворянина, археолога-любителя, не просто знакомого с сюжетами мировой истории (вспомним карикатурные образы, нарисованные великим А.П. Чеховым — «Письмо к ученому соседу» и др.), а имевшего зачастую профессиональное образование, подкрепленное высоким служебным положением.

Помимо «кладоискателей с дипломами» были и другие — те, кого к разрушению древних памятников вела нужда и иные жизненные обстоятельства. Борьба с этим явлением была

крайне сложна, учитывая многообразие причин, толкавших на путь кладоискательства массы казаков и крестьян Дона. Область войска Донского во второй половине XIX в. пережила несколько пиков развития этого явления, связанных с конкретными экономическими и социальными процессами:

1. Увеличение объема юртовых (войсковых) земель и постепенное сокращение помещичьего владения — как следствие ограничения контроля за разного рода самостоятельными раскопками (50 — 60-е гг. XIX в.);

2. Дорожное строительство (железные дороги), связанное с отводом земель и привлечением огромного количества пришлых работников, что обеспечивало широкий рынок рабочей силы для любых предприятий (60 — 70-е гг. XIX в.);

3. Холерные и др. эпидемии, низкая товарная конкурентоспособность малых крестьянских хозяйств, и, как следствие, поиск дополнительных средств к существованию путём ограбления памятников древности.

Очевидцы описывают явление кладоискательства в это время как своего рода болезнь: *«Составляются большие и малые компании добровольцев, которые рыщут ночами по окрестностям станицы, пробуя щупами бугры, городища и курганы, и выкапывая в них ямы большей или меньшей глубины. Таким образом, здесь не осталось ни одного кургана, не «опробованного» щупом и лопатой кладоискателей-грабителей».*

В этих условиях любая возможность стороннего заработка приобретала для местного населения огромное значение, поскольку действовали известные санитарные ограничения для переездов с целью заработка (80 — 90 гг. XIX в.).

Определенное запаздывание общественных процессов в Области войска Донского стало причиной того, что местные кладоискатели всегда были ориентированы на внешние рынки сбыта — Керчь и Одессу. В 60-е гг. XIX в. на казачьих землях появляются первые концессионеры, проводящие раскопки на известных памятниках (Вейерман и Данцигель на Елизаветовском городище). Изредка следуют обращения и в Археологическую комиссию с целью продажи случайных находок, но это скорее исключение из правил. Соответственно, нет и разветвленных криминальных структур.

С ростом экономического центра на Юге России — Нижнем Дону (гг. Ростов-на-Дону и Таганрог) ситуация резко меняется — складываются все возможные предпосылки для формирования нового центра криминальной активности в сфере оборота «объектов культурного (археологического) наследия». Данное положение было характерно не только для причерноморского региона, — общая ситуация в стране потребовала пересмотра законодательства о правах Археологической комиссии. Эти начинания во многом блокировались коррумпированностью местного чиновничества — представителями низшего слоя администрации (хуторских и станичных атаманов, волостных старост) и жителями казачьих хуторов и крестьянских слобод, которые не разглашали «в присутствии» факты незаконных раскопок и продажи древностей.

О развитии криминального поиска древностей свидетельствуют многие документы, в том числе и «Каталог» Донского музея. В нем было упомянуто, как минимум, об 11-ти случаях открытого кладоискательства, в контексте описания древностей, которые в конечном итоге попали в собрание музея.

Сложно было донским историкам и краеведам противостоять кладоискателям. При чем речь шла не о «силовом» противодействии, а о возможной конкуренции в покупке уже обнаруженных находок. Многие из тех, кому посчастливилось найти древний раритет, и рады были бы отдать находку государственным структурам, но те не имели ни достаточных средств для покупки, ни места для хранения находок.

О развитии кладоискательства писали и другие посетившие Дон ученые. Значительными по охвату осматриваемой территории были работы генерал-майора Н.Е. Бранденбурга (1839 – 1903 гг.), объехавшего с целью разведки памятников древности ряд округов южной части Войска Донского. Маршрут экспедиции 1891 г. (Открытый лист за № 315 от 2 апреля 1891 г.) проходил по замкнутой окружности неправильной формы, вытянутой в широтном направлении, что соответствовало течению рек степей Приазовья (Дона, Северского Донца, Кагальника, Еи и др.) и расположению основных водоразделов. Было исследовано и несколько крупных курганов (в том числе, известный курган «Баба» рядом со станицей Константиновской, Черкасского округа), содержавших комплексы бронзового века. Но находки не были оставлены на Дону, а пополнили собрание Исторического музея г. Москвы и Артиллерийского исторического музея г. Санкт-Петербурга (которым Н.Е. Бранденбург с 1872 г. заведовал). В рукописном «Отчете» об этой экспедиции была помещена информация и о коллекции древностей в Новочеркасске, которую Бранденбург лично осмотрел и организовал фотографирование ряда предметов в конце августа 1891 г. Это были несколько мраморных плит с надписями, коллекция бронзовых изделий и нумизматические находки II в. до н. э. – III в. н. э. (известные сегодня по **Таблицам XXI–XXII**):

*«Исполнив служебные представления и заручившись в Областном Управлении получением необходимого Открытого листа на допущение меня к раскопкам (2 – **Примечание Н.Е. Бранденбурга – А.Б.**) и на право получения почтовых лошадей, ... я посетил вместе с тем вновь возникающий Областной музей. Последний имеет несколько отдельных комнат в казенном здании, но средств – никаких, и находится под ближайшим надзором и попечением Советника Управления Х.И. Попова, ревностного собирателя и любителя донской старины. Состав музея, как и вообще подобных же провинциальных учреждений, весьма разнообразен, начиная с казачьих портретов прошлого столетия, собрания разных новых и старых монет, новейших моделей современных построек и сооружений (в роде, напр[имер], типов разных жилищ, или проекта памятника Ермаку) и проч[его], кончая предметами курганных древностей, каменными фрагментами из Недвиговского городища и остеологическими коллекциями первобытных животных. Курганные коллекции пополняются исключительно случайными находками и конфискациями предметов у кладоискателей, но при этом, несмотря на все старания почтенного Х.И. Попова, достоянием музея делаются, конечно, только остатки от воровских раскопок, почему в нем и находятся большей частью отдельные предметы из тех или других курганов, не представляющие ничего связного и целого. Особо выдающегося, впрочем, мало и первое место в музее занимают известные Археологической Комиссии браслеты (которым, по моему мнению, там вовсе не место, а в Эрмитаже); есть интересные предметы, как, напр[имер], бронзовые конские удила, бронзовые топоры и т[ому] под[обное], а также бросается в глаза довольно обширное собрание черепов и костей допотопной фауны, и другие. В числе новейших приобретений Музея есть еще вновь найденные фрагменты из Азова и Недвиговского городища и, между прочим, две вновь открытые в последнем плиты с греческими надписями, еще неизвестными, почему мною при сем представляются фотографические с них снимки, равно как и с одного любопытного плитообразного камня, найденного в кургане (1) над головой стоя погребенного скелета, у ног которого находились еще кости другого, но в лежащем положении...»*

(2) Считаю не лишним при этом пояснить, что, по мнению Областного Управления, сфера полномочий Археологической комиссии относительно прав на раскопки не распространяется на войсковые земли, в виду исключительности прав и служебных повинностей казачьего сословия.

(1) В Гундоровской станице Донецкого округа, на глубине ½ арш[ина].»

(Рукописный архив ИИМК РАН: Ф.1, оп.1, 1891 г., д. 17, л. 25-26).

Информация Н.Е. Бранденбурга особо интересна тем, что во время посещения Новочеркасска (2-3 августа 1891 г.) и написания итогового «Отчета о поездке в Донскую область и произведенных в ней раскопках» (октябрь 1891 г.) собрание раритетов, находившееся в ведении Х.И. Попова и его коллег, названо «Донским областным музеем». Именно к этой организации Археологическая комиссия обратилась письмом за № 425 от 13 апреля 1892 г. с предписанием изготовить и отослать в г. Санкт-Петербург слепки с недвиговских плит и данные об их размерах. Эта работа явно не спорилась, поскольку 30 мая 1892 г. и 11 февраля 1893 г. на Дон были посланы повторные предписания, оставшиеся без ответа. Только 12 декабря 1900 г. в Археологической комиссии вновь вспомнили об этих недвиговских находках. Теперь обстоятельный ответ за № 158 от 23 декабря 1900 г. со всеми необходимыми сведениями был написан и отправлен в Санкт-Петербург Х.И. Поповым, уже как заведующим Донским музеем.

Этот небольшой сюжет из взаимоотношений новочеркасских любителей старины и Археологической Комиссии показывает очень непростой характер официальных связей, которые с течением времени все более и более усложнялись. Основной причиной этого было сформулированное в «Высочайшем повелении» от 11 марта 1889 г. за № 733 (как и № 552 – «Высочайшее повеление, предложенное Правительствующему Сенату») и передаваемое отныне Археологической Комиссии «исключительное право производства и разрешения, с археологической целью, раскопок в Империи на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественных» (ПСЗРИ (Собр. 3-е), 1891 г. Ст. 5841). Здесь же определялись вопросы экспертизы найденных предметов, специфика покупки древностей у частных лиц и другие принципиальные моменты не только собственно археологической, но и музейно-собирательской деятельности.

Публикация монаршего повеления вызвала бурю негодования в среде научных обществ, справедливо предполагавших стремление Археологической комиссии существенно ограничить их права и возможности в деле ведения раскопок и формирования коллекций древности. Область войска Донского в этих дебатах не была представлена, поскольку Статистический комитет не мог считаться научным обществом и, в лучшем случае, привлекался теперь для сбора различных анкетных данных. Что не всегда исполнялось. Когда в 1901 г. была произведена одна из первых сверок «Сведений о количестве известных древних памятников, зданий и сооружений и исторических памятников» по всей территории Российской империи, то Область войска Донского таких сведений вообще не предоставила.

Не участвуя в обсуждении вопросов о принципах археологического изучения и охраны древностей России, опытные донские канцеляристы использовали довольно простую схему отказа от соблюдения действующих законов и распоряжений. Статистический комитет прямо не участвовал в проведении раскопок и создании Донского музея и не считал себя полномочным вмешиваться в решение подобных вопросов. Войсковые власти (см. выше ссылку (2) в «Отчете» Н.Е. Бранденбурга. – А.Б.) считали земли Дона исключительно казачьими и лежащими вне пределов юрисдикции Археологической Комиссии. А все возникшие после 1889 г. в Области войска Донского общественные организации могли налаживать связи с Санкт-Петербургом по своему выбору. Они, как и отдельные краеведы, на свой страх и риск ведущие самостоятельные археологические работы, не могли официально составить действенной конкуренции Археологической комиссии. Требовалось создание принципиально новой структуры, авторитетной и мобильной, а главное – не связанной существующим законодательством. Целью этой организации должно было стать не накопление каких-либо раритетов для украшения «присутственных мест», а создание Донского музея с собственной коллекцией древностей, в т.ч. и из драгоценных материалов.

Было еще одно важное обстоятельство, которое должно было ускорить процесс открытия музея на Дону. Войсковые земли в 1887 г. получили значительное территориальное приращение – насыщенные памятниками древности земли Екатеринославской губернии: Ростовский уезд и Таганрогское градоначальство с городами Ростовом, Таганрогом, Нахичеванью и посадом Азов. В условиях Войска Донского, где значительная часть земель была казенной (войсковой), такое положение вещей серьезно усложняло возможность формирования полноценной археологической коллекции, поскольку находки с этих земель также требовалось предъявлять на «высочайшее воззрение» Археологической комиссии. Отсюда и ее стремление ещё в 1892 г. (за 7 лет до официального открытия) считать Х.И. Попова, его единомышленников и собранные ими за много лет находки уже существующим Донским областным музеем, входящим в определенное правовое поле и обязанным соблюдать существующие законы и правила.

В этих противоречивых условиях и была создана в ноябре 1890 г. Комиссия по устройству Донского музея. Именно этой организации, первоначально состоявшей из 4 человек (см. **Таблицу 1**), назначаемых по распоряжению наказного атамана, предстояло создать первый в Области войска Донского полноценный музей и объединить разрозненных любителей местной старины в коллектив единомышленников (**Рисунок 7**). Формально Комиссия по устройству Донского музея была основана после известного согласования правил выдачи Открытых листов научным обществам и организациям и не входила в обязательный список рассылки циркуляров по охране памятников, чем успешно и пользовалась.

Признание к донским археологам пришло с иной стороны. Первая демонстрация накопленных коллекций во время Археологического съезда в Москве привела к появлению определенного авторитета у донских собирателей древностей среди столичных коллег. Но по традиции, центром их деятельности, считался Статистический комитет, который приглашался к участию в различных научных мероприятиях. В 80-е гг. XIX в. Статистический комитет продолжал активно взаимодействовать с Московским археологическим обществом, помогая в организации раскопок В.И. Сизова в 1883 и 1884 гг. на хорошо известном любителям старины Цимлянском городище. Как член Статистического комитета, Х.И. Попов был приглашен участвовать и в следующем, IX Археологическом съезде. Причем не как хранитель-распорядитель собранной коллекции древностей, а как полноценный участник научного форума, которому предстояло вынести на суд коллег свой самостоятельный научный труд.

Поскольку для Х.И. Попова остатки легендарного Саркела всегда представляли особый интерес, то не следует удивляться тематике доклада, подготовленного для IX Археологического съезда в Вильно, место проведения которого было избрано по прямому указанию Александра III.

На IX Археологическом съезде необходимо было показать научный потенциал донских исследователей и представить коллегам наиболее яркий памятник региона, история которого отражала ключевые моменты ранней истории русского государства. Учитывая специфику съезда в Вильно, открывшего череду «русификаторских» научных мероприятий в северо-западных губерниях страны, подобный доклад был, вероятно, востребован. К сожалению, отсутствие опубликованных протоколов заседаний съезда не дает возможности судить о личном участии Х.И. Попова в работе научного форума, но текст доклада остается наиболее важной его оконченной и опубликованной научной работой.

Накопленные в ходе деятельности Статистического комитета данные по истории Дона позволили Х.И. Попову отождествить известную по письменным источникам хазарскую крепость Саркел с Левобережным Цимлянским городищем. По его мнению, выводы Н.И. Веселовского, обследовавшего руины в 1887 г. и считавшего памятник «разоренным до крайней степени», были необоснованы, что и подтвердилось дальнейшими раскопками, правда, уже в советское время.

Таблица 1.

Состав Комиссии по устройству Донского музея (1890–1916 гг.)													
	1890	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ													
Добрынин И.М.													
Греков А.М.													
ЧЛЕНЫ КОМИССИИ													
Попов Х.И.													
Семенов И.Т.													
Решетовский Е.Т.													
Богаевский Л.В.													
Норов Н.А.													
Попов П.Х.													
СОТРУДНИКИ КОМИССИИ													
Часовников В.В.													
Траилин П.Д.													
Сулин И.М.													
Харламов В.А.													
Богачев В.В.													
Тимошенко И.В.													
Моргунов В.К.													
Татаркин Г.В.													
Борщев А.Г.													
Миллер М.А.													
Миллер А.А.													
Карасев А.А.													
Кириллов А.А.													
Сахаров П.П.													
Попов В.С.													
Плахов И.И.													
Марков К.В.													
Казьминых М.Е.													
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО (СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО) ОТДЕЛА ПРИ ДОНСКОМ МУЗЕЕ													
Боков Е.Г.													

Косвенные данные об участии Х.И. Попова в вильенском съезде противоречивы: в реферативном справочнике о работе съезда указания на доклад или обсуждение его отсутствуют, однако в Вильно присутствовало значительное количество иллюстративного материала, представлявшее коллекции Донского музея, официально еще не открытого. Можно предположить, что Статистический комитет, официально входивший в состав организаций – участников съезда, нашел возможность командировать своего представителя в Вильно. По мнению войскового начальства, это должен был быть Х.И. Попов, которому предполагалось выдать значительную сумму в 200 рублей из «капитала по устройству музея» (сюда, вероятно, входили и расходы на транспортировку находок (**Документ 8**) и объемных экспонатов, таких как макет (**Рисунок 11**) Правобережного Цимлянского городища (Саркела), изготовленный Е.Т. Решетовским в 1890-м (?) г. Это было последнее крупное предприятие археологического профиля, в котором Комитет активно участвовал.

Время с 1890 по 1900 гг. относится к периоду в истории донской археологии, наименее известному среди исследователей. Существует ряд свидетельств, показывающих проведение местными краеведами собственных раскопок, однако их документирование было

явно недостаточным. Значительное количество находок было предоставлено в Комиссию по устройству Донского музея Иваном Михайловичем Сулиным (1861 – 1921), известным донским архивистом и историком. По косвенным данным можно предположить проведение им собственных раскопок в 1893 – 1900 г. В любом случае, именно находки, представленные И.М. Сулиным (а самостоятельные археологические исследования он вел вплоть до 1909 г.), составили весомую часть коллекции создаваемого музея. Соответственно, значительная их часть и была экспонирована в 1899 г.

Раскопки во время этого «неизвестного» десятилетия охватывали небольшую часть Области войска Донского, прежде всего, из-за крайне незначительного штата Комиссии по устройству Донского музея. Руководство же Статистическим Комитетом, как более авторитетной организации, уполномоченной производить историко-археологические исследования, справедливо полагало, что теперь, с образованием Комиссии, эти работы могут быть отнесены только к ее функциям. Сам Х.И. Попов до 21 декабря 1897 г. находился на ответственной службе при войсковом правлении, что существенно ограничивало его возможности в деле организации археологических исследований и работ по созданию музея. Поэтому работы В.В. Часовникова и И.М. Сулина были практически первыми полевыми исследованиями, призванными пополнить коллекции музея. В тексте «Каталога» раскопки 1890-х гг., производившиеся без каких бы то ни было разрешительных документов Археологической комиссии, считаются при этом своего рода «правильными, законными» и противопоставляются деятельности кладоискателей.

В истории организации археологических исследований на Дону такая система проведения раскопок получила название «практика выдачи «внутренних» Открытых листов». По представлению Х.И. Попова, Комиссия по устройству Донского музея, а зачастую и другие организации (Статистический Комитет, позднее – Донское отделение Предварительного комитета по проведению XII Археологического съезда, да и сам Донской музей) отправляли представление для получения разрешения на производство различных видов работ (археологических, археографических, этнографических и др.) по определенной местности в ведомства управления Войском Донским (*Рисунок 21-22*). Тогда, в начале XX в., исследования – «собрание исторических, статистических и сельскохозяйственных материалов, а также для археологических и других научных изысканий» – предполагалось, как правило, проводить на огромных территориях, например, «округам Черкасскому, Сальскому, Первому и Второму Донскому округам», иногда с характерной припиской «и в других местах, где надобность укажет». Такой «местный» Открытый лист выдавался от имени самого войскового наказного атамана (*Рисунок 20*).

Финансирование этих работ могло вестись из различных источников, основными из которых были средства Донского музея, но деньги могли поступать и от известных организаций (целевые раскопки 1900–1902 гг. В.А. Харламова субсидировало Московское археологическое общество). В зависимости от целей и масштабов работ возможны были и прямые выплаты из сумм войсковой администрации, что не исключало и трат из личных средств раскопщика. Это случалось, если работы велись на «собственной земле» новоявленного археолога.

Одновременно формировался запрос на право пользования казенными транспортными средствами – «земскими лошадьми», «обывательскими подводами» в Областном войска Донского распорядительном по земским делам комитете. Всем органам местной власти предписывалось оказывать «законное содействие» командированным в такие экспедиции сотрудникам. Более того, властями на местах решались вопросы о наиболее благоприятных сроках для проведения научных исследований, «когда народонаселение будет более свободно от работ». В число лиц, претендующих на право раскопок, могли включаться и люди,

формально не входящие в число сотрудников Донского музея или связанных с ним организаций. Возможность получения такого Открытого листа зависела, прежде всего, от служебного положения кандидата, офицерское звание или классный чин которого, в большинстве случаев, были гарантией положительного решения вопроса.

Эта система в окончательном виде сформировалась только с открытием Донского музея в 1899 г. и существовала вплоть до июня 1918 г., когда последний из «внутренних» Открытых листов был выдан уже от имени наказного атамана Всевеликого войска Донского П.Н. Краснова. Согласно этому документу, «Помощник Директора Донского Музея полковник Богаевский командирован по О[бласти] В[ойска] Д[онского] для осмотра станичных архивов собирания статистических и друг[их] сведений, а также археологических изысканий и раскопок. Почему предлагается станичным и хуторским властям оказывать г-ну Богаевскому законное содействие в успешном исполнении возложенной на него обязанности» (ГАРО: д. 55, оп. 1., д. 509, л. 104-104об.). И поделаться что-либо с этой системой Археологической комиссии, вплоть до ее ликвидации в 1919 г., ничего не удалось.

К 1896 г. относится единственное упоминание о стремлении Х.И. Попова получить разрешение на производство раскопок от самой Археологической комиссии. Каких-либо препятствий для этого не существовало, учитывая не только высокое должностное положение Харитона Ивановича, но и, прежде всего, активное участие в научных мероприятиях общероссийского масштаба. Сохранилась его переписка с А.А. Спицыным, который проявлял большой интерес к исследованию донских древностей. «Дон нам так неизвестен, что можно ожидать на нем встретить все, что угодно», – писал из столицы сотрудник Археологической комиссии. Судя по сохранившейся переписке, Х.И. Попов планировал масштабные работы на нескольких памятниках: 1. Раскопки курганов на Северском Донце (в районе станицы Каменской) – своего рода «целевое» задание Археологической комиссии; 2. Раскопки Недвиговского городища – как местный исследовательский проект.

На производство работ в 1896 г. Х.И. Попову были выделены значительные средства – 300 рублей. Сопоставимые по размеру суммы донским археологам предоставлялись только Московским археологическим обществом для производства «показательных» раскопок в ходе подготовки к XII Археологическому съезду (работы В.А. Харламова). Суммы, которые выделялись войсковым правлением для проведения раскопок, были гораздо меньше. В.В. Богачеву для работ на Кобыковом городище в 1901 г. было выдано из средств Донского музея всего порядка 25 рублей. Однако с денежными средствами были сопоставимы возможности войскового «административного ресурса» – в виде предоставления транспорта, предписания станичным и хуторским атаманам оказывать «всяческое содействие» и другие способы максимально упростить процесс организации любых работ, в том числе и раскопок.

Получив Открытый лист от 11 мая 1896 г. за № 944 на проведение работ «в окрестностях гг. Новочеркаска, Ростова-на-Дону и Донецкого округа Области земли войска Донского» (предписание Археологической комиссии от 17 мая 1896 г. за № 987), Х.И. Попов, по неизвестным на сегодняшний день причинам, не стал проводить работы. Или провел предварительные исследования в очень небольшом объеме, потратив всего 16 рублей. Причем характер и состав этих расходов неизвестен. Но позднее ни сам Х.И. Попов, ни его сотрудники более в Археологическую комиссию с просьбой о выдаче Открытых листов не обращались.

Исключение, в определенном роде, представлял А.А. Миллер, ряд лет (1908–1914 гг.) успешно производивший раскопки в дельте Дона, на Елизаветовском городище и его курганном могильнике. Александр Александрович был членом Комиссии по устройству Донского музея (в опубликованных списках членов организации с 1906 г.) и вполне мог обойтись без этого разрешения. Другое дело, что А.А. Миллер занимал должность заведующего отделом Кавказа музея императора Александра III (ныне Русский музей в г.

Санкт-Петербурге) и обязан был соблюдать общероссийское законодательство. Но первые в жизни самостоятельные раскопки будущий член Государственной Академии Истории материальной культуры и руководитель Северо-Кавказской экспедиции проводил на землях Миусского округа Области войска Донского в 1902 г. по «местному разрешению».

Следуя традиции, его младший брат, будущий известный донской археолог и коллаборационист М.А. Миллер, также просил разрешение в 1905 г. на свои первые самостоятельные раскопки у Х.И. Попова. Причем сам неопит к этому времени окончил первый курс историко-филологического факультета Московского университета и должен был быть осведомлен о разрешительной процедуре по раскопкам. Почтительное письмо к Х.И. Попову решило этот вопрос и отчасти определило дальнейшую судьбу археолога. Помимо полученного разрешения на раскопки он был принят и в состав сотрудников Комиссии по устройству Донского музея (с 1905 г.).

Редкими корреспондентами Археологической комиссии, запрашивающими официальные разрешения на раскопки местных памятников археологии, были учителя начальных училищ (И.И. Ушаков) или гимназий Дона (Ф.И. Перцев). Но они, как правило, не имели отношения к новочеркасским инициативам в области изучения древностей и не состояли в Комиссии по устройству Донского музея.

В любом случае, количество находок, полученных от энтузиастов краеведения, изъятых у кладоискателей и выявленных первыми донскими археологами до 1900 г., было в несколько раз меньше тех, которые были учтены сохранившимся текстом «Каталога» от открытия музея до июня 1905 г. (крайняя дата, упомянутая в опубликованном тексте). Соотношение находок по периодам составляет 26,7% (646 предметов, включая рисунки находок из курганов Куль-Оба и Чертомлык, кургана Хохлач, т.н. «Мигулинского клада», и 207 находок с неполной легендой). Формальный анализ текста (используя данные простого счисления количества упоминаний имен, мест и обстоятельств обнаружения поименованных предметов) показывает определенную динамику формирования коллекции (см. *Таблицу 2*).

В *Таблице 2* учтены находки с момента упоминания в тексте «Каталога» участников создания музея, а не с 1831 г., которым формально датируется самая ранняя находка, представленная «*литографическим рисунком с электровой (смесь из четырех частей золота и одной серебра) вазы*» из кургана Куль-Оба. По этой логике, «первой» находкой из археологической коллекции музея является «*Бронзовый трехгранный наконечник стрелы, длин. 4,2 см., найденный при раскопке, в конце 1850-х годов, кургана на восточной вершине горы «Бык», переданный войсковым старшиной Н. М. Голубинцевым (№ 620 – Таблица VII, р.2.)*». Эту честь разделяют и два предмета, представленных лично Х.И. Поповым (№№ 934-935).

С большой уверенностью можно сказать, что часть находок, представленных в «Каталоге» и датированных временем находки или передачи до 1883 г., относились к первоначальному собранию древностей, хранившихся в Войсковой канцелярии. С другой стороны, в этот состав могли не попасть вещи, описание которых было помещено в утраченной части «Каталога» – такие, как нумизматические находки и др.

Резкое увеличение количества находок с 1890 г. свидетельствовало о росте авторитета и успешной деятельности Комиссии по устройству Донского музея. Но коллекция будущего музея стала наполняться и путем приема или покупки «случайных» находок. Этот термин, применительно к экспонатам из Донского музея, зачастую является условным, поскольку именно в это время сформировался круг своего рода «штатных поисковиков», производивших сбор находок на значительных территориях нескольких округов Войска Донского. Вукол Серезников, самый известный из них, доставивший сотни предметов древности из окрестностей станицы Нижнекундрюческой, впервые упомянут в «Каталоге» еще в 1889 г. (№ 610).

Таблица 2.

Формирование археологической коллекции Донского музея в 1884 – 1899 гг.

Год	Всего	Лица, участвовавшие в создании Донского музея.					Кладоискатели
		Г.А. Ознобишин	В.В. Часовников	И.М. Сулин	В.И. Серезников	Другие краеведы	
1884	8	2	–	–	–	2 Х.И. Попов.	–
1885	16	3	3	–	–	10*	–
1886	93	–	65	–	–	67**	–
1887	11	–	9	–	–	–	–
1888	2	–	–	–	–	–	–
1889	2	–	–	–	1	–	–
1890	9	–	–	–	–	–	–
1891	2	–	–	–	–	–	1
1892	1	–	–	–	–	–	–
1893	52	–	–	52	–	–	–
1894	101	–	–	71	–	28***	–
1895	–	–	–	–	–	–	–
1896	70	–	–	43	–	–	–
1897	67	–	–	–	–	–	66
1898	9	–	–	–	6	–	–
1899	39	–	–	–	–	11****	1
Всего	482(?)	5	77	166	7	159 (?)	68
* – Раскопки Р.К. фон-Кюгельгена, ** – доставлены А.М. Мишаревым, *** – доставлены Н.И. Сергеевым, **** – доставлены А.С. Зотовым, (?) – данные простого счисления.							
<i>С неполными данными об обнаружении /доставлении</i>							
1884–1891	46	–	–	–	–	46	–
1886–1892	67	–	–	–	–	Н.С. Чумаченко	–
1886–1894	4	–	–	–	–	Н.С. Чумаченко	–
1890-е	37	–	–	–	–	–	37*
1894–1895	4	–	–	–	–	Е.Е. Антонов	–
1894–1896	36	–	–	–	–	Е.Е. Антонов	–
1897–1898	7	–	–	–	–	–	–
1897–1899	6	–	–	–	6	–	–
Всего	207(?)	–	–	–	6	164 (?)	37
* – доставлены Е.Т. Решетовским от кладоискателей, (?) – данные простого счисления.							

Сам Х.И. Попов в число тех, кто активно пополнял находками собрание будущего музея, не входил. Занятый по основной службе и обремененный многочисленными общественными обязанностями, Харитон Иванович вряд ли имел возможность активно участвовать в археологических разведках и т. п. Нам чаще известны те мероприятия, которые, в силу различных причин, не состоялись – например, раскопки в 1896 г. Открытым остается вопрос о его командировке в посад Азов летом 1897 г. Сюда Х.И. Попова просили прибыть для изучения вопроса о возможном сносе «*вала, находящегося между дворовыми местами псаломщика Попова и мещанки Пелипенко*», относящегося к крепости екатерининского времени.

К концу 1890-х гг. наметилась серьезная проблема, связанная со сменой поколений в среде первых донских археологов и создателей Донского музея. Еще в 1884 г. Дон покинул

А.Л. Крылов, позднее, в середине 90-х гг. XIX в. отошли от дел В.В. Часовников и Г.А. Озобишин. Речь шла об активном участии в создании Донского музея, т. к. все, причастные к изучению древнейших страниц истории края, любовь к ней сохраняли вплоть до конца жизни, и хотя бы формально (в память заслуг) были членами Области войска Донского Статистического комитета. В этих условиях для Х.И. Попова, в 1897 г. ставшего фактически заведующим открывающимся музеем, крайне остро стоял вопрос о новых сотрудниках, обладающих необходимым образованием, широким научным кругозором и возможностью личного участия в археологических раскопках, которые могли существенно пополнить планируемую экспозицию. Последнее было сложным условием. Комиссия по устройству Донского музея была скорее общественной организацией, чем полноценным административным подразделением войскового правления. Ее члены работали в разных отраслях административного управления или образования, были ограничены служебными обязанностями и отсутствием достаточных финансовых возможностей. Требовалось провести своеобразную «кадровую» реформу и найти деятельных соратников в деле изучения памятников археологии Донского края в новом, XX веке.

* * *

И вот — свершилось! — 22 ноября 1899 г. Донской музей был открыт.

Газета «Донская речь» так писала об этом событии:

«Собрание было чрезвычайно многолюдно. Торжество началось с молебна, а затем под председательством Войскового наказного атамана состоялось заседание. Предметом этого заседания главным образом послужил очерк истории музея, доложенный заведующим музея Х.И. Поповым. После этого Войсковой Наказной Атаман объявил музей открытым. По закрытии заседания председатель Комиссии по устройству Донского музея И.М. Добрынин предложил присутствовавшим занести свои фамилии в особую книгу для посетителей, а затем приступили к осмотру древностей».

Основные древности — археологические находки — были сосредоточены в большом зале на втором этаже (**Рисунок 18**). В описании музея, сделанном В.В. Богачевым, это помещение выглядело так: *«Большой зал направо. Древности каменного века (палеолита — мало, а неолита очень много); древности бронзового века: интересен меч и сабли из могил кочевников. Погребальные урны. Скифские древности. Предметы классической древности. Греческие колонии: Танаис I и II. Амфоры. Древности хазарские. Древности г. Азова, венецианские и турецкие. Портреты донских деятелей. Портреты (типы) казаков».*

Долгожданное событие эхом отозвалось и в археологических столицах России. Большой интерес к открывшемуся музею проявило Московское археологическое общество. Уже 15 февраля 1900 г. Х.И. Попову пришло письмо от бессменного председателя общества, графини П.С. Уваровой, предложившей только что открытому музею целую программу действий. С этого времени начинается длившаяся многие годы переписка урожденной княжны Щербатовой и казака станицы Остроуховской.

Харитон Иванович был памятен членам Московского археологического общества еще со времени проведения I Археологического съезда представлением коллекций донских древностей, и поэтому приглашался и на последующие научные форумы (VIII и IX АС). Но специфика проведения съезда в Вильно или последующего в Риге (1896 г.) была связана с особенностями внутренней имперской политики того времени. Совсем не случайно в «Северно-Западный край» были направлены экспонаты создаваемого музея крупнейшего казачьего войска России и доклад его будущего заведующего, посвященный изучению

хазарского Саркела. Вскоре Х.И. Попов был принят в члены Русского археологического общества, более консервативно настроенного, чем их коллеги в Москве. Контакты с этим обществом носили скорее формальный характер, сегодня нет данных об активном участии Х.И. Попова в его научных мероприятиях. Напротив, Московское археологическое общество, с момента официального открытия Донского музея, проявило большой интерес к его деятельности. Привлекательной была фигура его заведующего — Х.И. Попова, посильно участвовавшего в работе трех Археологических съездов, да и позиция донских любителей старины по отношению к полномочиям Археологической комиссии вполне могла найти сочувствие в Москве.

Подобный партнер — единственный музей с действующей Комиссией по его устройству на огромной по территории Области войска Донского — был чрезвычайно важен в деле организации очередных всероссийских научных форумов. Перенос в 1899 г. Археологических съездов (последовательно проходивших: XI, XII и XIII) на Украину стал мощным фактором изучения древностей Дона как территории, включенной в орбиту деятельности многих организаций, работавших на всех этапах подготовки и проведения этих научных форумов. Наиболее важными для донских ученых оказались Археологические съезды в Харькове (1902 г.) и Екатеринославле (1905 г.). С их организации началась максимальная, в начале XX в., активизация всех сторон научно-практической деятельности в сфере изучения древностей в Области войска Донского.

Последовательное проведение нескольких Археологических съездов на южнорусских землях позволяло не прекращать работу созданной здесь сети научных подразделений Подготовительных комитетов, среди которых было и «Донское отделение Предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда в Харькове». Решение о включении Области войска Донского в сферу научных интересов участников харьковского съезда было принято на втором заседании Московского Предварительного комитета 5 января 1900 г.

Созданию Донского отделения предшествовала активная работа заведующего Донским музеем Х.И. Попова, который установил контакт с лицами, интересующимися местными древностями, заручился поддержкой и получил разрешение на проведение подготовительных работ от наказного атамана Войска Донского, которому было отправлено предложение создать это отделение при Комиссии по устройству Донского музея, как официальной организации. В ответ была получена резолюция атамана К.К. Максимовича: *«Очень сочувствую этому и вполне согласен»*, с поручением Х.И. Попову предоставить ему конкретные предложения по открытию новой организации. В июне 1900 г., с целью создания Донского отделения предварительного комитета, в Новочеркасск прибыл председатель Харьковского Предварительного комитета, профессор университета Д.И. Багалей. 17 июня 1900 г. в торжественной обстановке состоялось первое заседание Донского отделения. Оно было открыто наказным атаманом войска Донского К.К. Максимовичем. На заседании присутствовали председатель Комиссии по устройству Донского музея И.М. Добрынин (**Рисунок 8**), члены Донского областного Статистического комитета и другие лица, которые могли оказать помощь в изучении местных древностей.

Заседание началось с того, что Х.И. Попов ознакомил присутствующих с письмом П.С. Уваровой с предложением учредить в Новочеркасске «Донское отделение Предварительного комитета» очередного съезда. После этого с докладом выступил Д.И. Багалей, которым были поставлены конкретные задачи, решить которые должно было новое Новочеркасское отделение. Среди них приоритетной определялась регистрация каменных баб в пределах Области войска Донского, другая — заключалась в сборе информации о городищах и других археологических памятниках, с нанесением их на археологическую карту. На карте Войска Донского необходимо было обозначать сами городища, курганы, наличие

каменных баб, места проведения раскопок: «хищнических», «случайных», «правильных», а также сопровождать все обозначения пояснительным текстом.

Важнейшей практической задачей была признана организация археологических раскопок в пределах Донской области, поскольку регион был «обилён памятниками доисторической древности и в особенности курганами». При этом большинство из них оставалось не исследованными. Эти работы требовали определенных денежных ресурсов. Д.И. Багалея предложил войсковому начальству выделить средства на реализацию этого проекта, поскольку «все добытые вещи поступят, конечно, в местный Донской музей». Средств на проведение археологических раскопок в казне войска не нашлось, и обязанности финансирования исследований взяло на себя Московское археологическое общество.

С раскопками была связана и необходимость «сбора предметов для выставки при археологическом съезде», которая всегда являлась одним из важнейших проектов всероссийского научного форума, вызывавших живейший интерес научной общественности и широкой публики. Вспомним, что именно участие в подобных выставках на VIII и IX Археологических съездах стало поворотным пунктом в создании Донского музея. Принципиально новым было задание, чтобы Новочеркасское отделение «приготовило какие-нибудь издания и посвятило их предстоящему съезду».

Для реализации столь многообразных задач отводилось два года (съезд проходил с 15 по 27.08.1902 г.). Председателем Донского комитета стал помощник наказного атамана по гражданской части, генерал-лейтенант А.М. Греков (позднее — председатель Комиссии по устройству Донского музея). Свое участие в работе предложили многочисленные члены Донского Статистического комитета. Также предполагалось, что участие в нем примут «все окружные предводители дворянства, окружные атаманы и начальники и их помощники, директоры гимназий и реальных училищ Донской области». Но выполнять реальные поручения — производить археологические раскопки, комплектовать выставку находок и готовить издания должны были члены и сотрудники Комиссии по устройству Донского музея, количество которых с 1890 г. значительно увеличилось:

— Председатель Комиссии по устройству Донского музея И.М. Добрынин, Старший Советник Областного Правления Войска Донского, д. член Донского Статистического Комитета;

Члены Комиссии:

— Х.И. Попов, Заведующий Донским музеем, д. член Статистического Комитета;

— Е.Т. Решетовский, Землемер Областного Правления;

— С.Я. Ткачев, Областной Архитектор;

— И.Т. Семенов, Советник Областного Правления, д. член Статистического Комитета;

— Л.Б. Богаевский, Адъютант Начальника штаба Войска Донского;

— О.М. Дубяга, Преподаватель Новочеркасского реального училища, д. член Статистического Комитета.

Сотрудники Комиссии по устройству Донского музея:

— И.М. Сулин, д. член Статистического Комитета (в Новочеркасске);

— А.И. Дементьев, преподаватель Азовской прогимназии (в Азове);

— М.И. Упоринков, старший адъютант Управления Усть-Медведицкого окружного атамана (в ст. Усть-Медведицкой);

— А.М. Каклюгин, коллежский советник (в Москве);

— В.А. Харламов, студент Императорского Московского университета (в Москве);

— П.Х. Попов, капитан Генерального штаба (в Москве).

Для членов и сотрудников Комиссии по устройству Донского музея выполнение многочисленных программ XII Археологического съезда являлось делом чести, поскольку

теперь они представляли не просто работающий, но и открытый для посетителей музей, своего рода «лицо Донского края».

Не все направления деятельности Донского отделения, сформулированные в 1900 г., получили равное внимание и были в полной мере реализованы. Достаточно сказать, что огромное количество собранных и заполненных анкет по археологии и истории Дона не обработано и сегодня. Неподдельный энтузиазм населения Дона, администраций станиц и волостных правлений наталкивался на две типичные российские проблемы: 1) недостаточное финансирование (которое, в определенной мере, компенсировалось возможностями административного ресурса); 2) разница в количестве официальных участников, изъявивших желание членствовать в Донском отделении Предварительного комитета и тех, кто согласился лично выполнять неблагодарную «черновую работу».

Археология в России в начале XX в. была, по преимуществу, занятием элитарным, своего рода «социальным лифтом», поскольку считалось, что «не одни, дескать, чудаки занимаются археологией, но и весьма высокопоставленные особы» (А.М. Ремизов). Справедливость этого утверждения не требовала каких-то подтверждений, — достаточно было взглянуть на список почетных и действительных членов любого столичного археологического общества. Участие в их заседаниях и поездки на Археологические съезды рассматривались через призму решения личных вопросов, возможности повысить свой социальный статус. Поэтому не следует обольщаться, видя длинный список участников данного научного мероприятия.

В реализации программы археологических исследований XII Археологического съезда важную роль играл В.А. Харламов (1875 — 1957 г.), который стал для Х.И. Попова ближайшим сотрудником. Василий Акимович (Рисунок 5), был археологом-краеведом нового поколения и совмещал в себе фундаментальное гуманитарное образование (историко-филологический факультет Московского университета) и навыки полевой работы. Его перу принадлежат и одни из первых в местной историографии публикации материалов собственных археологических раскопок. А для Х.И. Попова он был особенно близок своим происхождением (казак станицы Усть-Быстрианской) и духовным образованием (последовательно окончил Новочеркасскую семинарию и Московскую духовную академию). Могли, конечно, не совпадать их политические пристрастия: В.А. Харламов был членом фракции конституционных демократов в I—IV Государственных Думах, а Х.И. Попов — монархистом, одним из создателей новочеркасского отделения «Союза русского народа», а позднее и казначеем «Донского национального союза». Другое дело, политическая деятельность настолько увлекала молодого преподавателя Новочеркасской женской гимназии, что археологии в ней места после 1905 г. уже не нашлось (как и у другого археолога начала XX в. — И.И. Ушакова, учителя Елизаветинского станичного училища, который позднее стал политиком и известным предпринимателем).

В 1900 — 1904 г. В.А. Харламов организует раскопки в I Донском и Донецком округах Области войска Донского и проводит сборы доступного археологического материала (см. Таблицу 3) у местного населения, значительно пополнив экспозицию и фонды Донского музея. Считалось, что до момента окончания обучения в Московском университете и устройства преподавателем в учебные заведения Новочеркасска предприимчивому ученику В.О. Ключевского удалось раскопать «сто курганов и три городища».

Однако существуют определенные сложности в определении точного местоположения и объема археологических раскопок В.А. Харламова в 1903 г. (раскопки в 1904 г. маловероятны). Будучи студентом выпускного курса университета и вступив в брак (29 мая 1903 г.), будущий известный политик получил значительную сумму в 400 руб. на производство работ в пределах Области войска Донского и перестал отвечать на запросы спонсоров.

Зимой следующего года уже сам Х.И. Попов оказался в затруднительной ситуации, так как фактически связь с В.А. Харламовым прервалась и у него. А в феврале 1904 г. графиня П.С. Уварова с целью организации «разыскания студента Харламова» предполагала даже обратиться в полицию, поскольку на 17 февраля было назначено собрание Московского археологического общества, утверждавшего финансовый отчет за истекший 1903 год. В конечном итоге, все проблемы были разрешены, и на XIII Археологическом съезде в Екатеринославле (1905 г.) были представлены два доклада В.А. Харламова, опубликованные в виде кратких рефератов.

Таблица 3.

Археологические находки В.А. Харламова в Донском музее.

Год пополнения собрания музея	Место обнаружения	Тип работ (№ находок по «Каталогу»)	
		Сбор / получение / доставка в музей	Раскопки
1900	Усть-Белокалитвенская станица, Дороговский хутор.		2932-2934 «раскопка могилы... едва заметный холм»
1900	Нижнекундрюческая, станица, юрт, урочища «Круглое» и «Саур-могильское».		2945-2967 «произведены раскопки пяти могил»
1901	Усть-Белокалитвенская станица, юрт.	1593-1604 (получены)	
1901	Усть-Быстринская, станица, юрт.	1605-1618 (получены)	
1901	Нижнекундрюческая, станица, юрт.	1632-1655 (получены)	
1903 – 1904(?)	«По Северскому Донцу и Дону»		«исследовано свыше 30 курганов, причем обнаружено 62 погребения»
1904	Усть-Быстринская, станица, юрт.	2935-2944 (получены/ доставлены)	
1904	Нижнекундрюческая, станица, юрт, урочище «Саур-могильское».		2963–2967 «раскопка траншеею на песчаном, неправильной продолговатой формы холме «Саур-могила».

Раскопки, проводимые сотрудниками Комиссии по устройству Донского музея или любителями старины по «местным» Открытым листам», касались, как правило, курганных могильников. Помимо этих материалов, значительная часть находок поступала от любителей, сделавших поиск древних артефактов практически своей профессией. Именно их деятельность привела к формированию значительной по количеству коллекции предметов каменного и бронзового веков.

В документах Донского музея мы часто видим имя казака Нижнекундрюческой (вариант – Нижне-Кундрюческой, современное написание – Нижнекундрюченская) станицы Вукола Иосифовича Серезникова, предположительно 1843-44 г.р., который с 1895 г. на протяжении многих лет вплоть до 9 июня 1911 г. (ст. стиля), сдавал в Комиссию по устройству Донского музея многочисленные найденные им древности. Деятельность В.И. Серезникова была хорошо известна и привлекала внимание и через десятилетия после прекращения упоминания о нем в официальных документах. В 1935 г. М.А. Миллер и Б.В. Лунин специально подробно описали деятельность «любителя старины» Серезникова в окрестностях

ст. Нижнекундрюческой. Так, «по словам И.И. Ногина (директора Донского (Новочеркасского) музея в 1931-1933 гг.), таблиц с нашитыми на них кремневыми орудиями было приобретено от Серезникова 16-18 экземпляров. В среднем на каждой таблице находилось до 40 предметов, и, таким образом, общее собрание обработанных кремней из окрестностей ст. Нижне-Кундрюческой состояло, очевидно, не менее чем из 700 экземпляров. Это собрание обращает на себя внимание прежде всего своим составом. В подавляющем большинстве перед нами наконечники стрел. Сравнительно незначительное количество отщепов-ножей, также немного скребков, в большинстве с закругленной рабочей частью, немного осколков, несколько отжимников и 3-4 маленьких нуклеуса. Своеобразный результат сборов, состоящих из одних стрел и незначительного количества других предметов, в общем – в пропорции, обратной обычному соотношению предметов в сборах на стоянках, даже при учете возможных личных вкусов Серезникова не может не обратить на себя внимания».

Данные «Каталога археологического отдела Донского музея» это вполне подтверждают. Вот типичная, но далеко не единичная запись, результирующая описание части витрины II «Северский Донец», смонтированной в «Зале 1. Памятники каменного века»: «Все предметы, обозначенные под №№ 185-335, приобретены у местного собирателя древностей казака В.И. Серезникова в 1897–1899 годах».

Сохранились и документы, написанные рукой самого «поисковика», которые хорошо характеризуют как самого Вукола Иосифовича, так и его занятия:

*«В Областное Правление Области Войска Донского
Нижнее-Кундрюченской станицы 1-го Донского округа
казака Вукола Иосифова Серезникова*

Представляя при сем древние исторические вещи при описи на сем, ниже составленной (на сем), в 1895 и 1896 годах мною найденные в юрте станицы Нижнее-Кундрюченской во время летних месяцев в писках в углублениях выдуваемых ветрами от с Севера по течению с правой стороны реки Донца от границы станицы Усть-Быстринской и к Северу запада по юрту станицы Нижнее-Кундрюченской и до юрта станицы Верхнее-Кундрюченской на протяжении 20 верст глубоких писков, мною найдены эти вещи и замечено по сказанной местности (Л.1-об) мною человеческих голов и других костей в все-целом виде, сохранились по настоящее время, на поиски сделанные мною я употребил свободное время которго имею очень мало да и при том от юности 7-ми летнего возраста паралическим ударом отнята правая рука которую не владею, другими членами здоров, к поискам имею способность если соблаговолите на это начальство переписи я 1863 года к сему января 30 дня 1897 года.

казак Вукол Серезников».

Опись прилагаемым вещам		Название местностей юрта где найдены вещи	
1.	Название	Число вещей	
			<i>Итого</i>
1.	Печать круглая железная с медной обработкою	1	1
			Печать найдена в писках в местности на север к Донцу на дороге пролегающей к хутору Огибскому от станицы Нижне-Кундрюч. в 5 верстах
2.	Стрелы медных каменных остро конечных	9	9
			Стрелы найдены на протяжении юрта 20 верст в разных местах в писках

3.	Стрелы железных	10	10	Железные стрелы найдены в разных местах на протяжении 20 верст
4.	Копий железных остро конечных	5	5	Копия остро конечные найдены в писках около Саур-могилы и озера Бурьяновского
5.	Копий железных круглообразных	2	2	Найдены в местности называемой дарогонпрохарова лежащая на север к Дону в хуторе Журавский
6.	Стрелы кремневые Стрел кремневых остроконечных	12	12	Кремневые стрелы найдены на протяжении 20 верст в разных местах
7.	Стрел крем. другого рода	11	11	Кремневые стрелы другого рода найдены на протяжении 20 верст в разных местах
8.	Пластинки метал. пластинок — чистоушка — железная бляха с ножен меча —	4	4	Пластинки металлические, чистоушка и с ножен бляха найдены в писках между Саур-Могилой и озером Бурьяновским, под головой человеческой, т.е. черепом где сохранились признаки христианского креста в то время истлевшего
9.	Значки металлические Значков металлических	1	1	Найдены около крестов около Саур-Могилы в писках
10.	Серга Серга металлическая с 2-м камнями голубыми и розовым	3	3	Найдены в писках около старого кладбища
11.	Камни Камнев разноцветных на оных насечками	1	1	Найдены в писках около старого кладбища
12.	Пластинки пластинка желта и пластинка черная	2	2	На 1-м Маяки под названием в писках (пометка карандашом — «Около дор[оги] на Усть-Быстр[янскую] ст[аницу] в Зап[ад] от ст[аницы] Н [ижне-] Кундрючей»)
13.	Камень Камень с искрыми означает блеск се-ребро Голова из камня	1	1	Камень с искрами и голова из камня на которой высечено изображение лика найдена в писках в березничках близ межи границы юртов Нижнее-Кундрюченской и Усть-Быстрян-ской
14.	Четки счетов металлических — каменные четки —	1	1	Найдены близ Большого стана

(ГАРО: Ф. 55, оп. 1, д. 497, л. 1-2).

В.И. Серезников неоднократно получал за свои находки вознаграждение, значительное по масштабам любой донской станицы. Следует добавить и еще одну немаловажную деталь. В сохранившуюся на сей день часть «Каталога археологического отдела Донского музея», попала только неустановленная доля находок неутомимого поисковика (преимущественно кремневые изделия). Вот достаточно типичная сводка находок:

«1 греческая монета накладного серебра (надпись не вполне сохранилась) X-XII вв.
1 серебр[яная] татарская (нрзб) монета
1 серебр[яная] пряжка
65 номеров кремневых и каменных молотков, ножей, стрел и друг[их]
1 бронзовое зеркальце
1 бронз[овый] айданчик
4 бронз[овых] наконечн[иков] стрел
19 железн[ых] стрел, ножей, удил и друг[их]
27 различных бус и бисера
2 глиняных сосуда
Несколько кусков металлического шлака и друг[их] мелких предметов
Выдано в вознаграждение восемь руб[лей]».

Эти вещи были приняты, согласно документу «Сведения, у кого и когда были куплены для музея вещи и монеты», только за один день — 22 июня 1904 г.

Можно с уверенностью сказать, что большая часть и ныне хранимого и экспонированного археологического материала сегодняшнего Новочеркасского музея истории донского казачества была собрана в годы руководства Х.И. Попова. Особенно убедительными стали экспозиции, развернутые Донским отделением Предварительного комитета по устройству XII, а позднее и XIII Археологических съездов. Количество находок, выставленных в залах и хранившихся в запасниках, резко увеличилось с момента официального открытия музея. Официальные данные, представленные в документах Комиссии по устройству Донского музея, показывают их увеличение к осени 1902 г. более чем в два раза (не менее 2167 предметов к 853, собранным к открытию музея — по материалам учтенных коллекций). Этот рост не прекратился и позднее, в 1903—1905 гг., о чем свидетельствует крайний по возрастанию номер в сохранившейся части «Каталога» — № 3059. Постоянно велась труднейшая работа по учету и обработке археологической коллекции. Результатом стали не только выступления донских археологов на съездах и публикация их работ, но и сформированные из представляющих научный интерес находок выставки, предназначенные для осмотра участниками съездов.

Если на выставки VIII и IX Археологических съездов можно было послать практически все накопленные находки (кроме громоздких мраморных изваяний и запрещенной к транспортировке и показу нумизматики), то теперь стояла и проблема выбора экспонатов. Помимо необходимости решения вопросов о соотношении находок по основным периодам и известным археологическим памятникам, стояли и чисто хозяйственные проблемы: упаковки, транспортировки, хранения и научного сопровождения экспонатов. И все упиралось в недостаток денежных средств.

На сегодняшний день практически не выявлено документов, отражающих финансовую сторону участия донских ученых в Археологических съездах. Эти мероприятия, требовавшие достаточно длительного отсутствия по месту службы, и материально были достаточно обременительны. Кроме личных средств участника могли быть привлечены средства лишь двух организаций: Московского археологического общества (основного организатора съездов) и Статистического комитета Области войска Донского. В пределах Дона вопросы решались достаточно просто, поскольку в командировках сотрудники Комиссии по устройству музея или привлеченные специалисты могли рассчитывать на использование казенной инфраструктурой войска Донского. За его пределами они могли рассчитывать только на собственные средства (включая, конечно, и субсидии Московского археологического общества).

Сохранились черновые записи Х.И. Попова, открывающие финансовую сторону поездок на всероссийский научный форум. В 1905 г. заведующий музеем должен был, при очень скудном «пансионе», потратить на это мероприятие более 175 рублей, включая членские взносы, экскурсии и др. (при пенсии, незначительно превышающей 700 рублей в год). Этим объясняется не только весьма редкое личное присутствие донцов на Археологических съездах, но и стремление найти земляков-единомышленников, проживающих в Москве или Санкт-Петербурге, для участия в многочисленных титульных мероприятиях научных обществ.

Выход был известен — заменить часть реальных экспонатов на фотографии. Если в 1890—1893 гг. речь шла о нескольких изображениях, то уже в 1902 г., на XII Археологическом съезде в Харькове, до половины всех экспонатов были представлены на фотографических снимках.

Данных по организации XIII Археологического съезда сохранилось гораздо меньше (следует учитывать и специфику рокового для всей Российской империи революционного

1905 года, когда само проведение съезда во многом было под вопросом). Это может свидетельствовать о значительном расширении практики замены экспонатов на изображения. А это еще с 1902 г. ставило вопрос о компактной форме представления археологической коллекции Донского музея в форме печатного издания – **Каталога**.

Процесс комплектования Донского музея практически не прерывался на всем протяжении первых полутора десятилетий XX в., пока потрясения вселенского масштаба (Первая мировая война, революции и гражданская война в России) полностью не изменили характер и последующую судьбу Донского музея в столице донского казачества. В дальнейшем менялось не только название музея, но и, главное, отношение к прошлому Дона. Подобно судьбе «археологического отдела» экспозиции, который в 1930 г. «*был почти ликвидирован – путем перевода из большого зала во 2-м этаже в небольшую темную комнату в 1-м, с удалением многих коллекций в сарай, подвал...*», вся многовековая история Донского края была сведена к констатации ряда догматических положений в духе «Краткого курса истории ВКП(б)». Потребовались годы и многочисленные усилия поколений сотрудников Новочеркасского музея истории донского казачества, чтобы вернуть памятникам далекого прошлого свое заслуженное место среди других коллекций в экспозиции музея. И важную роль в этом сыграл составленный Х.И. Поповым и его сотрудниками «Каталог археологического отдела Донского музея».

* * *

Создание описания музейной коллекции в виде каталога – один из сложнейших этапов музейной работы. Составление их играет важную роль в систематизации и популяризации археологического наследия. Задача совершенствования каталогов возникает в связи с качественными изменениями в археологии, выразившимися в расширении количества источников и увеличении объема извлекаемой из них информации, используемой и в самом музейном сообществе, к которому постепенно приходит осознание важности изучения, описания и использования своих археологических фондов. Это делает актуальным изучение истории создания и структурно-содержательный анализ изданных археологических каталогов в аспекте возможности использования их потенциала в научно-исследовательской и просветительской работе сегодня.

Помимо самих находок, помещений для их хранения и средств, для создания полноценного каталога музейного собрания необходимы грамотные и исторически эрудированные сотрудники, обладающие навыками систематического труда в деле описания разнородного вещевое материала. Надо учитывать, что составление обзора собрания естественнонаучного профиля – гербария, коллекции палеонтологических находок или чучел животных, опирается на систематику, предложенную еще в XVIII в., во времена Карла Линнея. На этом фоне создание научной системы музейного описания археологических находок в России делало только первые шаги. Это хорошо заметно из данных об издании музейных каталогов историко-археологического профиля в России конца XIX – начала XX вв. Известно порядка двадцати каталогов археологических отделов, экспозиций и отдельных коллекций (включая монографические труды, содержащие описание находок по каталожному принципу), созданных не в столице, а в различных частях российской империи (Урал, Сибирь, Прибалтика).

В этом плане деятельность сотрудников музеев Дона, создавших за неполные десять лет три крупные работы подобного профиля (3), может считаться одной из успешных. При этом надо учитывать местную специфику, связанную с общим отставанием уровня

культурного и общественного развития Донского края на рубеже XIX–XX столетий, следствием которого было отсутствие значительных коллективов подготовленных сотрудников (прежде всего, из числа членов историко-краеведческих, церковно-исторических и других обществ).

В истории каталогизации коллекций Донского музея (археологической, исторической, палеонтологической и др.) можно выявить несколько своего рода «пиков» такой деятельности. Это было связано с сотрудничеством заведующего музеем с молодыми специалистами – историками В.А. Харламовым, П.П. Сахоровым, В.С. Поповым и геологом В.В. Богачевым.

Сегодня, учитывая сложнейшие обстоятельства эпохи мировых войн и революций, мы оцениваем сделанное в начале XX вв. по всему комплексу сохранившихся источников, используя метод исторической реконструкции, вполне применимый при изучении истории работы над составлением и публикацией «Каталога археологического отдела Донского музея». Можно сказать, «*что логика здравого смысла*» (по И.Н. Данилевскому, 2012), определяет возможность реконструкции прошлого на основе «ретроспективной информации, сохраненной историческими источниками».

В данном случае при восстановлении перепетий судьбы «Каталога» основания исторической реконструкции отличны от традиционных споров о подлинности и информативности древних текстов. Нашей задачей является попытка реконструкции даже не самого текста, что при каталожном характере записей само по себе сегодня практически невозможно, а его первоначального состава, объема описанных находок и экспонатов, характера иллюстративного материала и судьбы уникального издания. Это попытка ответа на «простой» вопрос: «Почему известный специалистам музейный документ дошел до нашего времени в фрагментированном виде, и был ли он окончен созданием как единый текст?».

При этом надо учитывать, что сам научный потенциал этого документа всеми без исключения специалистами в области археологии сомнению не подвергался. Напротив, «Каталог» во многих значимых работах по археологии Дона является своего рода основой, «альфой» научного исследования. Поэтому его судьба вот уже целый век вызывает живейший интерес у всех, причастных к изучению прошлого нашего края и музейной истории Дона. С другой стороны, и сегодня, при наличии «Государственного каталога Музейного фонда РФ» и локальных музейных информационно-поисковых систем, скромная, вручную переплетенная книжица с массой пометок является важнейшим путеводителем по сокровищам древности в фондах и экспозиции Новочеркасского музея истории донского казачества.

Со времени проведения Ученого Совета Новочеркасского музея донского казачества 6 сентября 2018 г., принявшего решение переиздать текст «Каталога» и связанные с ним документы в виде научного издания, появилось немало публикаций об истории создания и судьбе этого документа, дополнивших имевшиеся данные (Бойко А.Л., Дедюлькин А.В., 2018; , Илюков Л.С., 2018; Ситливая Е.В., 2021). Сегодня историю работы над «Каталогом археологического отдела Донского музея» можно представить в виде ряда событий, подтверждаемых источниками, прямо не связанными с творчеством Х.И. Попова и его сотрудников, т.е. верифицируемыми сведениями.

С момента создания Донского отделения Предварительного комитета XII Археологического съезда в Харькове перед местными исследователями встает проблема подготовки выставки местных археологических материалов и научного издания, посвященного грядущему съезду, причем это взаимосвязанные задачи. Публикация программы работы Донского отделения и может считаться первым, пусть косвенным, указанием на необходимость издания материалов недавно открытого музея.

Отмечу, что в данном случае речь не шла о достаточно хорошо известной серии «Сборников Области войска Донского Статистического комитета» — научно-справочного издания и литературно-художественного журнала аналогичного «Дону», в котором публиковались заметки В.В. Часовникова. Из всех видов изданий, которые могли отразить успехи в археологическом изучении древностей Дона, только создание музейного каталога выглядело трудной, но сопоставимой с возможностями сотрудников Комиссии по устройству Донского музея, задачей.

Безусловно, речь шла об использовании накопленного российскими археологами опыта в создании подобных изданий. Особенности сохранившейся текстовой части позволяют утверждать, что по своей структуре и оформлению он был очень близок 5-му, археологическому, тому описаний коллекций Кавказского музея в Тифлисе, подготовленному Г.И. Радде (, 1902). Сходная структура каталогов вполне объяснима, учитывая, что Х.И. Попов многие годы состоял в переписке с Московским археологическим обществом и лично с графиней П.С. Уваровой, которая указана составителем каталога Кавказского музея. Графиня присутствовала на одном из заседаний Донского отделения Предварительного Комитета по устройству XIII Археологического съезда (*Рисунок 9*) и могла помочь своими советами (а, возможно, и участием в определении исполнителя, поскольку все заказы по изготовлению иллюстраций «Каталога» были размещены в Москве).

Любопытно и отсутствие подписей на сохранившихся таблицах фототипий «Каталога» Донского музея, что могло быть обусловлено тем, что их планировали печатать на прокладках из папиросной бумаги, прикрывающих таблицы, как в каталоге Кавказского музея. Дело и в том, что сам метод фототипии (фотомеханический процесс изготовления высококачественных изображений) не предполагал возможность получения текстового отпечатка на типографском клише, т.е. на лицевой стороне таблиц «Каталога».

О непосредственной работе над материалами «Каталога» мы знаем из деловой корреспонденции П.П. Попова — хозяина конторы «Фототипия и фотография», размещавшегося в центре г. Москвы, на Петровке (Петровские ворота, 17). Солидная фирма, работавшая с 1891 г., получила от Х.И. Попова уже готовые негативы для изготовления тиража таблиц методом фототипии. Материалы для 11 таблиц поступили 4 марта 1901 г., а еще 14 негативов — позднее, 7 июня (*Документ 11*). Т.е. определение количества предметов на каждой из таблиц и их композиция всецело зависели от самого Х.И. Попова, его сотрудников и фотографов, работавших в г. Новочеркасске в 1901 году. А это предполагает наличие не только списка экспонатов археологического отдела музея, но и разработку определенных принципов их размещения, описания и нумерации. Это было возможно при компоновке текстовой части каталога, который включал ссылки на определенные таблицы и размещенные в них отдельные рисунки.

Компоновка таблиц была трудоёмким процессом, поскольку даже сам Х.И. Попов предполагал, что конкретные находки будут искать не по описаниям в тексте, а по иллюстрациям. Это накладывало дополнительные требования на соблюдение полей каждого изображения, «располагая предметы так, чтобы между ними оставался промежуток в 1,0 — 1,5 см.», и различных номеров внутри таблиц. На это Харитон Иванович указывал 6 марта 1902 г. в письме к В.А. Харламову, которому переслал первый комплект из 11 готовых таблиц (количество соответствует первой партии, отосланной в Москву 4 марта 1901 г.) для дальнейшей работы. Возможно, речь шла даже об изготовлении новых негативов, соответствующих этим требованиям. Словом, работа была в самом разгаре.

То, что весной 1902 г. речь шла только о работе над частью готовых таблиц, показывает, что возможности окончить издание к XII Археологическому съезду не было. Комиссию по устройству Донского музея буквально захлестнул «девятый вал» из материалов шести масштабных анкет (только по каменным изваяниям их поступило около шестисот!),

которые требовалось обработать по заданию Предварительного комитета съезда. Слишком разнородны они были по своему фактическому наполнению. Некоторые исполнители описаний археологических памятников Дона упражнялись в казенном словоблудии: «Каменные молотки, сколько известно в юрте, никем не встречались, а кремневые (громовые) стрелки раньше нередко попадались и как им значения никакого не предавалось за отсутствием чего-либо выдающегося из ряда обыкновенного, то они при месте находки затеривались бесследно» (*ГАРО: Ф. 699, оп. 1, д. 8, л. 67*). Другие описывали листы известных топографических карт. Но большая часть корреспондентов работала серьезно. Однако и сегодня значительная часть анкет, подготовленных к XII Археологическому съезду не обработана и издана весьма фрагментарно (*4*). Это, в свою очередь, не позволило окончить работу и над археологической картой Дона.

Итог XII Археологического съезда в Харькове для Донского музея был противоречив: Комиссия по устройству Донского музея смогла провести раскопки в ряде мест, указанных Московским археологическим обществом, подготовить впечатляющую комбинированную (из фотографий и реальных находок) выставку и сделать целый ряд сообщений для различных секций, опубликованных в «Трудах» XII Археологического съезда. Но практически все пункты Программы Донского отделения, принятой в 1900 г., не были окончены исполнением. Поскольку все структуры съезда руководством Московского археологического общества было решено сохранить для проведения следующего, XIII Археологического съезда в Екатеринославле (1905 г.), то донские археологи и краеведы продолжили свою работу по прежнему плану, представив и там свои находки (*Документ 9*).

Осенью, после окончания съезда, были сделаны выводы из опыта предшествующей работы. 11 ноября 1902 г. на заседании Комиссии по устройству Донского музея было определено количество экспонатов, относившихся к археологической коллекции музея. Это практически единственное (учитывая и черновой вариант текста) на сегодняшний день уцелевшее описание нашего собрания с указанием датировки и количества предметов:

а) Отделение до-историческое:

1. предметов каменного века	456 номеров.
2. — // — бронзового века	821 — // —
3. — // — железного — // —	510 — // —
4. Золотых, бронзовых и других предметов скифо-сарматского периода	28 номеров
5. Относящихся к эпохе переселения народов	14 номеров.
6. Металлических истуканов и амулетов («идолов» — надписано над текстом в скобках) языческих народов	7 номеров
7. Металлических зеркал (с китайскими и арабскими надписями и без надписей)	23 — // —
8. Клинков, мечей и сабель:	
а) древнейшей эпохи, вероятно, римской I—II веков	1 — // —
б) X—XII веков	3 — // —
Кочевнических и других позднейших народов	9 — // —
9. Кольчуг	12 — // —
10. Наборов конской сбруи	8 — // —
11. Различных предметов	50 — // —
12 Глиняных сосудов: грубого изделия древних обитателей края и вообще не культурных народов 32, греческих амфор и друг[их] сосудов («не нашей» — зачеркнуто, сверху подписано карандашом «хорошей») техники	35 номеров,
Всего:	67 — // —

13. Памятников второго Танаида (близ нынешнего хут[ора] Недвиговского, при Мертвом Донце) I–IV в.: камней и обломков с надписями и украшениями, металлических и друг[их] предметов (не считая мелких) Монет босфорского царства	18 номеров 42 —//—
14. Памятников городища, находящегося близ ст[аницы] Цимлянской IX–XII в. (вставка на поле — «(быть может Саркела или Белой Вежи)») предметов христианской древности (кресты, образки херсонские и киевские) Монет византийских, киевского княжества и друг[их] Различных предметов Мелких вещей (бусы, стеклянные браслеты и проч[их]) Рельефный цветной план городища, прекрасно выполненный членом Комиссии Е. Т. Решетовским (Вставка на поле) Две больших картины видов Цимлянского городища, исполненные масляными красками членом Комиссии художником В. В. Часовниковым (ныне иеромонах Авраамий)	18 —//— 8 —//— 40 —//— 18 коробок 2 —//—
15. Памятники г. Таны и возникшего на том же месте Азова XII – XVII в.	51 —//—
16. Памятников татарских с надписями и друг[их].	6 —//—

б) Отделение историческое:

В этом отделении, занимающем два зала, размещены предметы церковных и религиозных памятников, нумизматики, медалей, орденов, портретов, рисунков, костюмов, старинного оружия и проч[ее].

1. Икон. Крестов, образков, книг, синодиков и друг[их].	48 —//—
2. Портретов, гравюр и фотографических снимков	44 —//—
3. Жалованных серебряных вызолоченных ковшей	3 —//—
4. Орденов и медалей (перечеркнуто карандашом)	16 —//—
5. Медалей в память исторических событий (перечеркнуто карандашом)	120 —//—
6. Гравюр, рисунков и фотографий бытовых (типы XVIII–XIX вв.)	58 —//—
7. Старинных атаманских насок	4 —//—
8. Старинного казачьего оружия и оружия, составляющего военные трофеи	67 —//—
9. Военных мундиров XIX ст[олетия].	5 —//—
10. Женских костюмов и друг[их] принадлежностей костюма	6 —//—
11. Поясов для кубилеков 6 и пуговиц 5 низок	1 —//—
12. Серебряных чарок	7 —//—
13. Разных предметов	16 —//—
14. Особая витрина-шкаф документов и друг[их] предметов, принадлежащих Войсковым Атаманам Д. Е. и С. Д. Ефремовым.	

(ГАРО: Ф. 699, оп. 1, д. 11, л. 61–63.)

Работа, проведенная за первые годы существования Донского музея его заведующим Х. И. Поповым, выглядит беспрецедентно: на территории Российской империи это был единственный случай создания подобного описания научным коллективом, в составе которого был только один специалист с профильным историческим образованием (В. А. Харламов). Причем Х. И. Попов мог опираться лишь на сотрудников Комиссии по устройству Донского музея, для которых участие в ней не являлась основным источником дохода. Тем не менее, к 1906 г. серьезная работа по учету коллекций была проделана (*Документ 10*). Причем попытка переиздать материалы «Каталога» (1979 г.), предложив иной принцип систематизации материала, была признана неудачной (*Семенов А. И., 1982*).

Текст 1902 г. следует рассматривать не только как описание существующей коллекции, но и, учитывая характер размещения находок в витринах, как своего рода **план будущего «Каталога»**. Вполне возможно, что в перспективе планировалось создание не одного, а двух каталогов: по археологическим находкам («до-историческое отделение») и предметам «историческим», включавшим разнородные материалы — от этнографических коллекций и церковной утвари до войсковых реликвий. С учетом сказанного становится понятным обилие в фондах музея дореволюционных снимков этих предметов, сделанных в стилистике именно предметной фотографии. В любом случае, хронологическая последовательность данного описания полностью соответствует сохранившейся части «Каталога».

Сложнее дело обстоит с иллюстративным материалом, поскольку порядок сохранившихся в переплетенном музейном экземпляре (*НМИДК КП-24096/84*) таблиц не соответствует самому тексту документа. Необходимо сопоставление текста музейного документа и всех известных данных об экспозиции Донского музея.

Распределим предметы согласно тексту «Каталога» и времени комплектования коллекции (См. **Таблицу 4**):

Таблица 4.

Реконструкция порядка размещения иллюстративного материала в «Каталоге».

Номер и название таблицы (номер таблицы по порядку в музейном экземпляре)	Количество номеров рисунков в тексте (номера и литеры рисунков)	Диапазон номеров «Каталога»	Время обнаружения находок (г., гг.)	Примечания
Таблица I. «Памятники каменного века».	19 (1–5, 8, 12, 18–19)	1 – 19	1887–1903	Реконструкция. Витрина I.
Таблица II. «Памятники каменного века» (7).	14 (1–14)	20 – 33	1884–1900	Витрина I.
Таблица III. «Наконечники стрел и копий».	30 (1–30)	34 – 63	1886–1899	Витрина I.
Таблица IV. «Медные и бронзовые изделия».	16 (2, 4, 6, 7, 9, 15)	585a – 600	1900–1903	Реконструкция. Витрина III.
Таблица V. «Медные и бронзовые изделия».	10 (1–10)	601– 610	1866–1900	Витрина III.
Таблица VI. «Медные и бронзовые изделия» (14).	8 (1–8)	611 – 618	1886–1901	Витрина III.
Таблица VII. «Наконечники стрел» (23).	34 (1–34)	619 – 653 «а»	1884–1899	Витрина III.
Таблица VIII. «Федуловский клад»	8 (а–е)	1869 – 1876	1903	Поздний вариант. Собрание Эрмитажа. Витрина V.
Таблица IX. «Находки из кургана Хохлач».	8 (1–8)	1877 – 1878	1864 (опубл. 1890)	Реконструкция. Собрание Эрмитажа. Витрина V.

Номер и название таблицы (номер таблицы по порядку в музейном экземпляре)	Количество номеров рисунков в тексте (номера и литеры рисунков)	Диапазон номеров «Каталога»	Время обнаружения находок (г., гг.)	Примечания
Таблица X. «Находки из кургана Хохлач».	4 (1–4)	1879 – 1882	1864 (опубл. 1890)	Реконструкция. Собрание Эрмитажа. Витрина V.
Таблица XI. «Древности скифо-сарматские, греческой и римской эпох, времен переселения народов и позднейшие» (6).	8 (1–7, 9)	1885 – 1893, 1895	1886–1902	Витрина V.
Таблица XI-A. «Древности скифо-сарматские, греческой и римской эпох, времен переселения народов и позднейшие»	18 (8, 10–28)	1894, 1896 – 1920	1890–1904	Реконструкция (сохранившиеся №№ 19, 21, 23, 27, 28). Витрина V.
Таблица XII (19).	11 (1–11) На Таблице изображены № 1–5	1926 – 1933	1886–1904	Витрина IV. «Изображения человеческих фигур»: № 1–5.
		1934 – 1936	1886	Витрина IV. «Металлические зеркала»: № 9–11.
Таблица XIII. «Металлические зеркала» (11).	4 (1–4)	1940 – 1943	1886–1901	Витрина IV.
Таблица XIII-A. «Металлические зеркала» (13).	2	1940, 1943	1886, 1901	Витрина IV. (Вариант Таблицы XIII (?))
Таблица XIV. «Котлы (казаны) скифского типа» (18).	3 (1–3), №4 – не указан в тексте	1954 – 1958	1864–1893	Нижнее отделение витрины V. Постамент VI.
Таблица XV. «Железные изделия. Образцы наконечников стрел различных форм и других предметов» (12).	43 (1–44) № 44 – не указан в тексте	1959 – 2001	1864 – ?	Витрина VII.
Таблица XVI.	До 4 предметов		До 1902	Предположительно: «Клинки, мечи и сабли».
Таблица XVII.	12 (?)		До 1902	Предположительно: «Кольчуги».
Таблица XVIII.	8 (?)		До 1902	Предположительно: «Наборы конской сбруи».
Таблица XIX. «Отдел керамики» (5).	8 (1–8)	2838	1884–1900	
Таблица XX. «Отдел керамики» (9).	6 (1-3, 1-3)		До 1902	
Таблица XXI. (16).	1		До 1891	Предположительно: «Плита с греческой надписью из Недвиговского городища»
Таблица XXII. (20).	2		До лета 1891	Предположительно: «Плита с греческой надписью из Недвиговского городища»
Таблица XXIII. (8).	14		До лета 1891	Предположительно: «Предметы мелкой пластики и монеты древнегреческого времени».
Таблица XXIV. (10).	14		До лета 1891	Предположительно: «Монеты древнегреческие и боспорские».
Таблица XXV. (22).	19		До 1893	Предположительно: «Предметы из Левобережного Цимлянского городища».
Таблица XXVI. (24).	1		1890	Предположительно: «Надгробная мраморная плита венецианского консула в Тане Якова Корнаро»

Номер и название таблицы (номер таблицы по порядку в музейном экземпляре)	Количество номеров рисунков в тексте (номера и литеры рисунков)	Диапазон номеров «Каталога»	Время обнаружения находок (г., гг.)	Примечания
Таблица XXVII.	2		1890	Предположительно: «Мраморные обломки из венецианской Таны».
Таблица XXVIII. (4).	1		До лета 1891	Предположительно: «Надмогильная плита с арабскими надписями. Надгробие золотоордынского нойона Али Бека Тимура. 1379.»
Таблица XXIX. (21).	27 (1–22, I–V)			Предположительно: «Монеты Средневековья и времени Золотой Орды».
Таблица XXX. Приложение I	5 (1–5)		До лета 1891	Предположительно: «Ручки амфор с клеймами греческих надписей». Фотография 1891 г.
Таблица XXXI. (3).				Здание Донского музея

Из Таблицы 4 наглядно виден искусственный, практически случайный, вариант комплектования иллюстраций, осуществленный, по данным Л.С. Ильюкова, в 1926 г. (Ильюков Л.С., 2018).

К сожалению, мы лишь приблизительно можем представить экспозицию зала археологии Донского музея во времена Х.И. Попова. Экспонирование хранящихся в музее древностей предполагало развитую систему учета и описания находок, основным документом которой и должен был стать «Археологический каталог Донского музея». Предметы располагались в витринах хронологически последовательно, с непрерывной возрастающей нумерацией (См. Таблицу 5).

Таблица 5.

Размещение археологической коллекции в витринах зала №1.

№ Витрины в зале №1	№ предмета по «Каталогу»
ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА	
Витрина I.	1 – 175
Витрина II	176 – 584
ПАМЯТНИКИ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ЭПОХИ.	
Медные и бронзовые изделия	
Витрина III	585 – 1105
Витрина IV	1106 – 1846
Древности скифо-сарматские, греческой и римской эпох, времен переселения народов и позднейшие	
Витрина V	1847 – 1954
Нижнее отделение Витрины V	1952 – 1954
Отдельный постамент VI.	1955 – 1958
ПАМЯТНИКИ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ЭПОХИ.	
Железные изделия	
Витрина VII	1959 – 2157
Витрина VIII	2158 – 2560
Курганные находки	
Витрина IX	2561 – 2934
Витрина X	2935 – до 3059

План размещения витрин, который есть в каталоге Г.И. Радде и который несомненно должен был быть в «Каталоге» Донского музея, не сохранился. Кроме того, подобно каталогу Кавказского музея, текст должен был включать в себя путеводитель (маршрут осмотра) по залу с описаниями витрин. В то же время точно известно, в каком зале располагалась археологическая экспозиция, сохранились сами витрины того времени. Значительный интерес представляет фотография начала XX в. (*Рисунок 17*), которая показывает археологическую экспозицию в просторном зале на втором этаже музея (в настоящее время зал № 7). То, что в «Каталоге» показан нумерованный «зал 1» (См. *Рисунок 15* — начало повитринного описания находок), вполне могло предполагать наличие витрин и в других помещениях. Например, в небольшом помещении, расположенном по левой стороне большого зала, проем которого и виден на фотографии (ныне — помещение библиотеки музея).

В текстовой части «Каталога» упоминаются девять витрин (I–V и VII–IX) и отдельный постамент (VI), на котором экспонировались бронзовые котлы раннего железного века. Примечательно, что этажерка с амфорами, каменные турецкие надгробия, стол с кирпичами из Саркела и стойки с кольчугами, хорошо различимые на фотографии, не упоминаются в сохранившейся части текста. Соответственно, можно предположить, что нумерация витрин начиналась от стены с окнами, которая осталась за кадром. Именно возле нее находилась витрина V с находками из Елизаветовского городища, рядом с которой размещался постамент с котлами, которых не видно на фотографии. Витрина V имела нижнее отделение, тогда как четыре витрины на фотографии, размещенные в средней части зала, установлены на ножках. Шестигранная витрина в центре зала также не может быть витриной V, поскольку рядом с ней нет постамента VI с котлами. Опираясь на фотографию и описание витрины V и постамента VI можно предположить вариант реконструкции расстановки витрин. Римские цифры на схеме соответствуют нумерации «Каталога» (*Рисунок 19*). При этом остается место, где могли располагаться находки от раздела №8 — «Клинков, мечей и сабель» до материалов эпохи Средневековья — разделов № 15 и № 16, представляющих древности Средневековья, хорошо видные на фотографии 1905 г. (*Рисунок 17*).

При подготовке современного издания «Каталога археологического отдела Донского музея» стояла задача максимально приблизиться к первоначальному замыслу его создателя, Х.И. Попова, и избежать соблазна начать самостоятельно конструировать некий новый каталог, механически включая в него все поступления до 1914 г. Какие-то утраты было легко восполнить (см. *Рисунок 12*). Так, заново были составлены отсутствующие таблицы фототипий, на которые есть ссылки в текстовой части. Это **Таблицы II, IV, IX, X**. При наличии фотографий конца XIX — начала XX вв. предпочтение отдавалось им, как соответствующим эпохе. Например, при воссоздании **Таблиц IX и X** с предметами из кургана Хохлач использовались фотографии из третьего тома «Русских древностей в памятниках искусства» И.И. Толстого и Н.П. Кондакова. Какие-то утраты являются невозможными. Например, в сохранившейся части текста упоминается отдел керамики, от которого не осталось ни страницы, и только таблицы фототипий позволяют составить приблизительное представление о нем. По аналогии с другими разделами можно прийти к выводу, что были проиллюстрированы наиболее яркие образцы, а десятки сосудов, к тому времени уже хранившихся в музее, в эти таблицы не попали и должны были быть описаны в тексте. В описании витрины V упоминаются ручки амфор «с клеймами греческих надписей», найденные в июне 1905 г. на территории Елизаветовского городища. Описание клейм планировалось привести в несохранившемся приложении к «Каталогу», представленному в реконструированном виде (См. **Приложение III** к тексту «Каталога»).

Комплекс таблиц «Каталога», сложившийся к 1905 г. (по датировке обнаружения позднейших находок) и представленный в музейной копии, явно неоднороден и показывает скорее динамику работы над материалом, которая растянулась на годы:

1. Самыми ранними изображениями являются те, которые были представлены на выставке, организованной к XII Археологическому съезду в Харькове. Это таблицы (25) отпечатанные в конторе П.П. Павлова в 1902 г. Причем сначала речь шла о 22 негативах и отпечатках с них, но при тщательной сверке в марте 1914 г. были обнаружены еще 3, но некачественные, поскольку «*плохие негативы — неудачные снимки*». Таким образом, «сошлась» сумма денег, потраченных Х.И. Поповым на исполнение заказа. Все годы иллюстрации «Каталога» хранились в Москве и «*бумага на рисунках от времени немного пожелтела*».

2. В составе заказа в конторе П.П. Павлова не могло быть таблиц с материалами, поступившими в музей после 7 июня 1901 г. (**Таблицы I, IV VIII** и др.). Их должны были печатать другие подрядчики, возможно, в другом количестве и ином качестве. При этом количество предметов на снимках могло меняться, отличаясь от пронумерованного и описанного в «Каталоге». Некоторые из них могли быть вообще черновыми изображениями, которые были необходимы для учета и «подгонки» таблиц для итоговой версии публикации издания. Этим можно объяснить наличие в предлагаемом нами варианте таблиц с литерой «А» — **Таблицы XI и XI «А», XIII и XIII «А»**, в которых количество реальных изображений иное, чем в тексте — **Таблица XII**.

3. Некоторые таблицы могли быть скомпонованы гораздо позже основного массива, например **Таблица VIII** с находками из «Федуловского клада», открытого в 1904 г. Отличается не только характер фона для фотосъемки, но и тип маркировки отдельных рисунков таблицы не арабскими цифрами, а буквами.

Длительность работы над иллюстративным материалом была следствием напряженной работы над текстом «Каталога». Изначально была задумана его сложная структура, предполагавшая деления материала по эпохам, а внутри — по бассейнам рек и уровням административно-территориальной структуры Области войска Донского. В тексте предполагалось отдельно описывать каждую витрину с учетом подробного указания обстоятельств находки. Это привело к упоминанию в тексте «Каталога» и различного антропологического материала (например, в **№ 2698**), не представленного в экспозиции.

В издательском отношении в издании предполагалось использовать системы различных по гарнитуре и регистру шрифтов, их написанию и размеру.

Принципиальная схема оформления текста:

ЗАЛ I.

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА.

Витрина I

Отдел общий.

Бассейн р. Медведицы.

Усть-Медведицкий округ.

Юрт станицы.

Обстоятельства находки, авторство (передача).

Основной текст.

().

Работа с таким сложным в полиграфическом отношении текстом, включавшим несколько типов нумерации — самих предметов, мест хранения (витрин) и системы их

изображения, предполагала использование материалов предварительного описания (аналог современных паспортов предметов музейного хранения), различных черновиков описей и другого вспомогательного материала. Его количество в начале XX в. в разы должно было превышать наши современные архивы (при том, что большая часть информации сегодня хранится в электронном варианте). Однако ничего подобного не сохранилось. Более того, отдельные материалы показывают, что в определенный момент работа над «Каталогом» была приостановлена и возобновлена только через несколько лет. Свидетельством этого является расхождение в нумерации предметов в археологической коллекции Донского музея. Последний из них — № 3059, относится к группе предметов, полученных от В.И. Сережникова в 1902 г., происходящих из разрушенного позднекочевнического захоронения и попавших в витрину X. А синхронный по времени сосуд — № 2838, переданный в музей в 1900 г., попал в **Таблицу XIX, 5**. Или античные амфоры, упомянутые в № 1952, которые хранились в «Отделе керамики», описание которого ныне отсутствует, но их изображение имеется в **Таблице XX**, (она имелась на выставке XII Археологического съезда в Харькове).

Сохранившиеся дореволюционные шифры на ряде находок имеют номера, значительно превосходящие конечный номер в сохранившейся части «Каталога». Например, хорошо известный ученым сосуд предскифского времени с дореволюционной маркировкой «р. Чир, ст. Чернышевская» с оригинальным номером — № 3814. Или упомянутая выше амфора (**Таблица XIX, 1**) имеет «старый номер» — № 3726.

Сохранился любопытный фрагмент описания нескольких предметов из коллекции Донского музея, которые, как считалось (*Ильюков Л.С., 2018*), имеют (**Рисунок 14**) совпадение по номеру с материалами «Каталога»:

«3059-3060. В слободе Амвросиевке, на правой стороне р[е]ч[ки] Красной (прит[ок] р[еки] Миуса), потоком воды во время сильного дождя 12 июня 1905 г., близ Николаевской церкви, на скате к лиману, были обнаружены признаки древнего могильника, при нем оказались вымытыми три человеческих скелета и много отдельных костей. При одном из скелетов найдены два больших шаровидных предмета неизвестного назначения; из кости, лежащие по обеим сторонам черепа около ушных раковин: первый, несколько приплюснутой формы, выс. 3,7 с., диам. 6 см и второй с сгибающимися бочками, кверху суживающийся в виде усеченного конуса, высотой 3,8 с. дам. 5,4 см., оба с широким круглым отверстием посредине.

Получены в дар от И.С. Киевского в 1905 году» (ГАРО: Ф. 55, оп. 1, д. 910, л. 83).

Понятно, что эти предметы, относимые к эпохе бронзы (См. **Рисунок 15**), никак не соответствовали бы содержанию описанной в сохранившемся тексте витрины X. Это достаточно легко объяснить необходимостью ведения текущей учетной документации и регистрации поступающих находок. А сам «Каталог» был научно-справочным изданием, отражающим комплектность экспозиции археологического отдела Донского музея на июнь 1905 г.

Логично предположить, что своеобразной чертой, хронологическим рубежом, который должен был ограничить период сбора находок, включенных в издание, был 1904 год. Именно в это время в музей поступили десятки «случайных» находок, и были окончены полевые исследования В.А. Харламова. И эти предметы были включены в текст! Другое дело, что его публикация могла не относиться именно к 1905 г. (*Ильюков Л.С., 2018*). Эта датировка ничем другим пока не подтверждена, кроме черновой записи о скором окончании работы над каталогом, причем, над каким именно, не указывается (3). Малосостоятельна и версия о том, что его текст «по мере готовности частями передавался в Войсковую типографию» (*Раев Б.А., Пьянков А.В., 2004*).

Х.И. Попов, что явствует из переписки с П.П. Павловым, в 1906–1907 гг. вносил деньги за отпечатанные таблицы, но при этом не забирал их готовый тираж из Москвы

и не проводил итоговую сверку исполненного заказа. Следовательно, работа над составлением «Каталога археологического отдела Донского музея» продолжалась. Годы, прошедшие с момента окончания XIII Археологического съезда (1905 г.), не прервали работы Донского музея по изучению прошлого края. Проблема вновь состояла в том, что рядом с Х.И. Поповым не было необходимого коллектива сотрудников, таких людей, которые, подобно В.А. Харламову, могли вести самостоятельную работу над изданием.

Изменились общероссийские и местные условия ведения археологической деятельности. Шла нескончаемая череда скандалов, связанных с кладоискательством и криминальным оборотом древностей. Начиная с известного «дела Шульца», Дон и г. Ростов-на-Дону стали считаться одним из центров подпольного антикварного бизнеса. Позднее, в 1907–1908 гг. и Донской музей оказался втянут в долгую историю «дела о недвижимых древностях», найденных А. Смычковым (*Бойко А.Л., Толочко И.В., 2016*). В этой ситуации сложно было предполагать «расширение» материалов «Каталога» за счет новых материалов и логично было ограничить текст музейного документа только теми находками, которые были сделаны во время работы Донского отделения Предварительного комитета по устройству XII и XIII Археологических съездов (т. е. до 1905 г.).

Логика развития музейного дела в Новочеркасске в 1910-х гг. вновь сделала актуальным вопрос издания «Каталога». При этом комплекс причин и условий этого процесса можно условно разделить на внутренние и внешние. Самой важной внешней причиной, которая могла ускорить работу над долгожданным изданием, была та, что в Ростове-на-Дону местный музей, история которого насчитывала еще менее пяти лет (открыт как городской музей при Ростовском-на-Дону обществе истории, древностей и природы), смог в 1912 г. издать подобный свод археологических находок (*Каталог Ростовского-на-Дону городского музея, 1912*).

По своему составу археологическая коллекция Ростовского музея не могла соперничать с находками из Донского музея. Каменный век был представлен всего 20 отдельными находками, среди которых были и антропологические материалы, бронзовый — восемь номерами каталога. Материалы раннего железного века были показаны в большем объеме, причем, помимо традиционных Недвиговского и Елизаветовского городищ, были опубликованы находки и с территории периферийных античных городищ: Ростовского (Темерницкого), Кобяковского, Брянцевского (Нижне-Гниловского) и Сухо-Чалтырского. В небольшом объеме были выставлены средневековые находки из Саркела и поселений на месте современного Азова (золотоордынского Азака и генуэзско-венецианской Таны, слоев турецкого Азова).

Безусловный интерес в Каталоге Ростовского музея представляет тот факт, что в ряде витрин были экспонированы материалы XVIII–XIX вв., связанные с историей крепости св. Дм. Ростовского и синхронных поселений ее округи. Общее количество предметов, определяемых как «археологический отдел», составляло 354 номера, с учетом значительного количества антропологических материалов и нумизматических находок. Порядка 20% находок, строго говоря, были подарками меценатов и не были связаны с историей Дона.

Значительное впечатление на Х.И. Попова должен был произвести факт опубликования каталога учреждением, развитие которого шло совсем иным путем, чем история становления Донского музея. Ростовские краеведы действительно вели огромную работу, поскольку в 1912 г. вышел и I том «Записок Ростовского общества истории древностей и природы», который по своему составу и оформлению показывал принципиально новый подход к изучению древностей края. Сам Х.И. Попов был почетным членом общества, его материалы были опубликованы в «Записках», а экспонаты витрины 4 за № 5 («Наконечники стрел... станицы Кундрюческой») относились к части коллекции находок, вероятно, переданных

В.И. Сережниковым. Тем скорее Комиссия по устройству Донского музея должна была приложить усилия для реализации собственного издательского проекта. В 1912–1913 гг. в Донском музее сложились новые условия, которые должны были привести к окончанию работы над своим «Каталогом».

С формальной точки зрения, особых изменений в деятельности Донского музея не произошло: бесперебойно действовала войсковая субсидия на его содержание, продолжала свою работу Комиссия по устройству Донского музея. Наиболее важной в это время стала тенденция очередного обновления ее кадрового состава. В 1912 г. в ее коллектив были приняты окончившие историко-филологическое отделение Харьковского университета Павел Петрович Сахаров (1884 – 1963 гг.) и В.С. Попов. Молодые специалисты активно работали в 1908–1910 гг. в составе Комиссии по собиранию материалов для составления истории войска Донского. Большую роль в организации их работы в российских архивах сыграл Х.И. Попов. Сохранившаяся его переписка с молодым историком П.П. Сахаровым показывает ту роль, которую играл этот контакт в становлении ученого. Сегодня стала известна его исследовательская работа по изучению происхождения донского казачества и более частных вопросов его истории (поход казаков атамана Ермака в Сибирь и др.).

Известна деятельность П.П. Сахарова и в деле изучения археологических памятников Дона. Можно отметить его неподдельный интерес к древнейшим страницам донской истории, компетентность в вопросах практической археологии. В числе рукописей исследователя, хранящихся в фондах Ростовского областного краеведческого музея, в «Папке 2» (обозначена как Оп. 5, д. №1/32 – *Мининков Н.А., 2000*) есть отдельное дело (без литеры), содержащее материалы под общим названием «Утварь. Городища. Курганы». Известен и Открытый лист на его имя от Комиссии по устройству Донского музея от 17 июня 1916 г. за №101 с целью проведения раскопок «в окрестностях Азова, по [реке] Кагальнику и других местах, где надобность укажет» (ГАРО: Ф. 55, оп. 1, д. 509).

Самым крупным археологическим мероприятием П.П. Сахарова стали раскопки в юрте Нижнекундрюческой станицы, где были исследованы 7 курганов. Именно здесь был произведен один из первых опытов фотографирования вскрытого погребения эпохи бронзы. Молодой исследователь находился в это время на важном отрезке своей жизни, поскольку надо было определяться с дальнейшим местом преподавательской деятельности, которым стала с осени 1912 г. гимназия в г. Ростове-на-Дону. Но лето этого года он посвятил раскопкам в тех местах, которые традиционно были важнейшим «поставщиком» древностей в Донской музей. Это совпало со временем прекращения активной поисковой деятельности уже очень пожилого В.И. Сережникова. Музей же был заинтересован в наблюдении за этим районом и проведением в нем раскопок, прервавшихся после работ В.А. Харламова в 1903–1904 гг. Исследования здесь были проведены успешно и отмечены «благодарственным адресом» от Комиссии по устройству Донского музея от 18 августа 1912 г. Павел Петрович уверенно вошел в круг специалистов по донской истории, став членом Области войска Донского Статистического комитета и членом правления Ростовско-на-Дону Общества истории, древностей и природы. При этом его контакты с Донским музеем не прекращались, поскольку П.П. Сахаров осуществлял и в 1914 г. осмотр (включая организацию зарисовки и фотографирование) археологических находок с нижнедонских городищ, о чем сообщал Х.И. Попову. Предполагалось, что эти материалы (нумизматические находки) поступят в собрание музея.

Можно с большой уверенностью предположить, что именно П.П. Сахарову и В.С. Попову (о биографии его практически ничего неизвестно, кроме членства в составе Комиссии по устройству Донского музея) Х.И. Попов мог предложить оказать ему посильную помощь в оформлении и публикации «Каталога». Впервые за многие годы, после «ухода

в политику» В.А. Харламова, в штате Комиссии по устройству Донского музея появились сотрудники, обладающие практическими навыками архивной, музейной и полевой археологической деятельности. Вероятно, именно с ними и следует связывать окончание работы над текстом «Каталога» в 1913 г.

Был и другой, субъективный, фактор: в 1913 г., после многолетнего руководства И.М. Добрынина, новым председателем Комиссии по устройству Донского музея стал генерал от кавалерии А.М. Греков, ранее исполнявший должность председателя Донского отделения Предварительного комитета по устройству XII (а позднее и XIII) Археологического съезда. В его компетенции находился вопрос о «собрании и составлении коллекции предметных памятников старины для выставки при Археологическом Съезде» и реализации презентационных издательских проектов. Ни в 1902 г., ни в 1905 г., в ходе подготовки к очередному XIII Археологическому съезду в Екатеринославле, они реализованы не были. Теперь новый председатель Комиссии вполне мог предложить выполнить ряд отложенных по времени проектов, среди которых важнейшую роль играл «Каталог».

Таким образом, можно считать, что к 1913 г. сложился комплекс условий, который вновь поставил вопрос о необходимости издания «Каталога археологического отдела Донского музея». 17 сентября 1913 г. Х.И. Попов вновь обратился к московскому фотографу П.П. Павлову с предложением вернуться к выполнению заказа Донского музея на печать иллюстраций к «Каталогу». Причем сам его текст был охарактеризован как «оканчивающийся печатанием», что, конечно, в тот момент могло быть и «фигурой речи», а не реальным положением вещей.

Поскольку в текстах писем к П.П. Павлову неоднократно упоминались как «прежние негативы», так и «новые негативы», можно предположить, что речь шла и о возможной «модернизации» уже готового документа. Эти изменения в составе «Каталога» могли исходить из новых принципов представления имеющихся материалов по хронологическим группам. Ранее, в ноябре 1902 г., речь шла о двух группах музейных предметов – «отделения доисторического» и «отделения исторического». Соответственно, в начале столетия вопрос мог стоять о создании не одного, а двух различных каталогов. В 1913 г. уже должен был учитываться опыт ростовского музея, в описании древностей которого был реализован принцип единства определенного типа исторических источников – «памятников материальной культуры», выявленных раскопками, сборами или переданных меценатами (но также имеющими археологическое происхождение). В таком случае новочеркасский «Каталог» мог быть дополнен материалами и XVIII–XIX вв. Это объясняет тот факт, что в позднейший вариант текста музейного документа, сшитого уже в 20-х гг. XX в. (НМИДК КП-24096/84), были включены таблицы с изображением не только предметов позднейшего времени, но и письменных источников и архитектурного сооружения («Письмо Александра I графу Платову» и «Здание Донского музея»). А в фондах музея сохранилось значительное количество снимков войсковых регалий и предметов недавней старины, сделанных в одной манере (предметная фотография) с таблицами археологических находок.

Работа в Москве шла тяжело, у П.П. Павлова накопились значительные имущественные претензии к Донскому музею, да и сам факт доделки заказа из-за многолетней давности мог вызывать только раздражение фототиписта. Поэтому работы над этой частью «Каталога» продолжились и в 1914 г. Хотя, если принимать во внимание характер переписки П.П. Павлова с Х.И. Поповым, речь шла скорее о материальных обязательствах и их исполнении, нежели о конкретной работе. Принципиально важно то, что в тексте письма П.П. Павлова за март 1914 г. было обозначено число изготовленных за 13 лет работы таблиц (25 наименований) и определен тираж каждого изображения – 515 экземпляров

(Рисунок 37). Это является важной характеристикой для определения всего тиража «Каталога», вероятно, уже полностью напечатанного в 1913 г. в войсковой типографии.

Применительно к событиям 1914 г. (5) возникает один из основных вопросов, связанных с судьбой «Каталога» как печатного издания: почему издание, с полностью готовым текстом и достаточным количеством иллюстраций не было сшито и не обрело приличествующую обложку? И еще один важный вопрос. Подобные музейные документы имели вступительную статью, раскрывающую не только основные этапы истории конкретного региона, но и историю формирования коллекции, пусть и в обобщенном виде. Но ни в сохранившемся тексте «Каталога», ни в материалах фонда Х.И. Попова в собрании Государственного архива Ростовской области подобного документа не выявлено.

На вопрос об отсутствии окончательно сброшюрованного и переплетенного текста издания можно предложить следующее: основной причиной, по которому даже окончанный печатью «Каталог» не был сшит, было отсутствие необходимого количества качественных иллюстраций! Материал, собранный и отпечатанный в течение 13 лет работы, представлял собой исполненные в отличной друг от друга манере таблицы, которые зачастую хранились в неподобающих условиях, и теперь на *«некоторых рисунках действительно пожелтевшая бумага от времени, это зависит от печати рисунков в разное время»*. Печать новых иллюстраций откладывалась на неопределенное время (очень вероятно, что П.П. Павлову просто надоело иметь дело с таким «сложным» заказчиком, как Донской музей). А возможности изготовить качественные фототипические таблицы в требуемом объеме (и по допустимой бюджетом организации цене!) в Новочеркасске в это время не было. Выпускать же многострадальный «Каталог» с заведомо бракованными иллюстрациями заведующий Донским музеем не мог и не хотел.

Х.И. Попов планировал также и переплет текста, и иллюстраций — под обложкой с посвящением определенному событию. Т.е. изготовление обложки из качественных переплетных материалов с тиснением (возможно, и золотым). В практике донского книгопечатания такие прецеденты неоднократно были, и изготовление полноценного и «богато» оформленного переплетом издания могло поставить долгожданную точку в этой многолетней истории. А посвятить подобное издание можно было, прежде всего, XIV Археологическому съезду, в котором сам Х.И. Попов предполагал принять участие (или, возможно, делегировал бы кого-либо из молодых сотрудников Комиссии по устройству Донского музея). Научное мероприятие было запланировано на 21 июля — 6 августа 1914 г., приглашение на участие в работе съезда было прислано Донскому музею 28 апреля 1914 г. Но, как это уже неоднократно бывало с «Каталогом», в благие намерения вмешались не только производственные сложности (окончательно неизданные иллюстрации), но и «вселенский рок» — съезд был отменен из-за начала Первой Мировой войны.

Сейчас сложно говорить, в какой конкретно день 1914 г. работа над окончательным полиграфическо-издательским оформлением Каталога была в очередной раз остановлена. В «Главной книге Комиссии по устройству Донского музея сметных расходов общего войскового капитала по Донскому Музею. На 1914 год» по § 35 статьи 1-ж «прочие расходы по музею», как и по другим статьям расходов, не были отмечены какие-либо полиграфические затраты. Безусловно, могли быть и иные источники финансирования этого проекта, но пока веских аргументов в пользу того, что в военные годы к изданию «Каталога» удалось вернуться, не найдено.

Если мы предположим, что в 1914 г. текст «Каталога» был отпечатан, то возникает закономерный вопрос: «Почему до нашего времени сохранилась лишь часть издания?». Отсутствует вступительный очерк, часть текста с описанием древностей античности и средневековья, исторических предметов XVIII—XIX вв. и войсковых регалий. Нет и обязательных

итоговых заключений о распределении находок, принципах их хранения в залах музея. Причем отсутствует не просто печатный текст, — не сохранилось ни единой страницы черновых записей, постоянное ведение которых отличало творческую манеру Х.И. Попова. Кроме описаний предметов, отсутствует и обобщающий очерк древней истории Дона или истории создания археологической коллекции Донского музея. Почему?

Ответ на этот вопрос следует искать в перипетиях событий революций и Гражданской войны на Дону. Все эти годы «русской Смуты» Х.И. Попов стоял во главе Донского музея, вступая в административно-хозяйственные отношения с новой, советской, властью. Зимой-весной 1918 г., в период существования Донской советской республики, все музейные собрания Дона, и, в первую очередь, Донской музей вошли в круг советских учреждений культуры. Конечно, воздействия первых декретов и распоряжений советского правительства в Новочеркасске почти не ощущалось. За исключением перехода на новые правила правописания, с которыми Х.И. Попов был вынужден согласиться и вести текущую документацию по новым правилам, что продолжалось до очередного изменения политического режима на Дону. Пришлось приспосабливаться к изменившимся условиям, принимая «какие только возможно меры по спасению музея». Силами сотрудников музея удалось сберечь наиболее ценные экспонаты, в том числе археологические и нумизматические материалы. В марте 1918 г. удалось даже добиться охраны Донского музея в ночное время.

Создание Всевеликого войска Донского отвечало давним чаяниям Х.И. Попова, который в это бурное время активно включился в общественно-политическую жизнь Дона. При этом были не забыты и традиционные музейные занятия — время Гражданской войны окончательно не прервало традицию проведения собственных раскопок силами Комиссии по устройству Донского музея. Известны два «местные» Открытые листы 1918–1919 гг., выданные Л.В. Богаевскому, исполнявшему должность заместителя Х.И. Попова по руководству Донским музеем. В этих документах цель поездки по Области войска Донского музейного работника в чине полковника обозначалась как *«осмотр станичных архивов, собиране исторических и друг[их] сведений, а также археологических изысканий и раскопок»*. Их итог, к сожалению, неизвестен. О них могли бы рассказать картины известного баталиста М.Б. Грекова. Его жена, А.Л. Грекова вспоминала: *«В 1919 году М.Б. писал небольшие картины для Новочеркасского музея краеведения. Писал по заданию на темы «Каменные бабы», «Курганы в донской степи», «Раскопки старых курганов» и другие на темы истории Донского края»* (Лиховидова В.Н., 2020).

Ситуация на фронтах Гражданской войны складывалась противоречиво, но уже 4 июля 1919 г., в период взятия белыми армиями Царицына и Киева, впервые в документах Донского музея появилось слово «эвакуация», причем, речь уже шла о «заполненных ведомостях и списках по плану». Чтобы не повторилась ситуация начала 1918 г., когда музейные ценности были брошены на произвол судьбы администрацией войска, подготовка к эвакуации проходила по четко разработанному плану. В нем «Каталогу» отводилась роль описи тех материалов, которые необходимо было вывезти. В условиях приближающейся военной катастрофы, упаковка музейных материалов по составу витрин была самым быстрым способом решения этого вопроса.

Советские авторы считали необходимым разграничить непосредственных участников вывоза войсковых реликвий из Донского музея и его директора, Х.И. Попова, стремясь показать эту акцию как своего рода импульсивный ответ войскового руководства на успехи Красной армии. Напротив, Харитон Иванович лично осуществил эту операцию, проведенную по всем правилам военного времени. В донесении войсковому атаману от 13 декабря 1919 г. сообщалось: *«Все подлежащее эвакуации имущество Донского музея уложено и готово к перевозке по ж[елезной] д[ороге]»*. Для обеспечения сопровождающих ценный

груз сотрудников выделена сумма в 25000 руб. «на расходы по Музею в пути по погрузке и выгрузке ценностей музея» и жалование за 4 месяца вперед. 19 декабря 1919 г., в 8 утра машины автобатоны вывезли ценный груз на вокзал для отправки следующим в Екатеринодар поездом.

19 декабря на оставшиеся средства музея был открыт кредит и выдана зарплата всем сотрудникам на 4 месяца вперед (на январь-март 1920 г.), всего 64232 руб. 10 коп. 21 декабря заявкой за № 474 с казенного склада №3 служащим было отпущено 7 бутылок спирта и 14 фунтов сахара-рафинада. Остатки наличности в сумме 22000 руб. были выданы Х.И. Попову «на приобретение археологических, нумизматических и друг[их] коллекций для музея, и проч[ие] расходы по музею». Последними «досоветскими» документами Донского музея стали уже привычные при каждой смене власти удостоверения «о личности» и работе в музее, выданные 6 сотрудникам, от директора до уборщицы включительно. (ГАРО: Ф. 699, оп. 1, д. 48, л. 21-22.)

В этих событиях и следует искать ответ на вопрос о судьбе «Каталога». Х.И. Попов прекрасно отдавал себе отчет о возможных последствиях разбирательства с советскими учреждениями о судьбе увезенных коллекций. В это время у новых чиновников уже сложился определенный тип отношений со «старым музейным руководством». Хорошо известна стремительность, с которой под контроль новой власти был поставлен Ростовский городской музей. В считанные дни от занятия города красной конницей С.М. Буденного 10.01.1920 г. (окончательно освобожден от белых войск город был только 11.02.1920 г.) руководством «Ростовского-на-Дону общества истории и древностей» пришлось принимать непростые решения, поскольку новая власть в лице подотдела искусств комитета по охране памятников старины (Копис) Отдела Нарпросвета уже 23 января 1920 г. предписанием за № 14 требовала: «...не позднее 12 час[ов] дня, 26 сего января, доставить следующее: 1) протоколы заседаний с начала деятельности Общества по 1919 г. включительно, вместе с денежным отчетом; 2) список предметов, поступивших в музей после напечатания каталога с отметкой, от кого и когда поступили; 3) печатный каталог в 2 экз[емплярах]. (ГАРО: Ф. 2577, оп. 1, д. 29, л. 1.) Сдача наличных денег и музейных печатей представителям советской власти подразумевалась как само собой разумеющееся действие.

Директор Донского музея Х.И. Попов вполне мог знать о подобной процедуре, поскольку в круг его общения входил и П.П. Сахаров, теперь сотрудник Освага (осведомительного агентства) Вооруженных сил Юга России. Ему по роду деятельности приходилось бывать в освобожденных в 1919 г. от сил Красной армии районах Украины и Центральной России, руководить Нижнедевицким пунктом Освага и видеть, каким образом реализовывалась культурная политика большевиков в этот период Гражданской войны. Наиболее важными были сведения о музеях Харькова — города, связанного с Новочеркасском тесными узами культурных связей, и Воронежа, ближайшего крупного города к границам Области войска Донского. Так что Х.И. Попов был вполне осведомлен о механизме «советизации» и предпринял соответствующие шаги по недопущению ее проведения в полном объеме в Донском музее.

Комплекс экстраординарных мер включал вывоз войсковых реликвий и наиболее ценных археологических находок, фактическое финансовое банкротство музея и выдачу всех возможных видов довольствия сотрудникам, а должен был завершиться и еще одним актом — уничтожением тех частей «Каталога», которые могли скомпрометировать сотрудников перед лицом новой власти. Тем более, что сам Х.И. Попов, хотя бы и формально, но был уже в 1918 г. «совспецом» — «советским специалистом» и его деятельность по вывозу войсковых регалий и коллекций прямо подпадала под действие советского законодательства с реальной возможностью применения «высшей меры социальной защиты».

В этих условиях не только часть «Каталога» с описанием вывезенных предметов, вводные и заключительные части музейного документа, но и любые черновые записи о фондах музея автоматически становились материалами обвинительного заключения. Уничтожение их Х.И. Поповым (механизм этого неизвестен, поэтому можно предположить и существование в Праге или Париже полной версии легендарного музейного документа) подтверждается системностью изъятия всех без исключения документов, могущих пролить свет на содержание «Каталога» после его 224 страницы. Это отразилось и на других музейных документах. Достаточно сказать, что время поступления фонда № 699 «Комиссия по устройству Донского музея» в состав Государственного архива Ростовской области и сегодня неизвестно, а первая сверка содержимого уникального собрания документов была проведена только в 1950—1952 гг. Именно здесь должны были содержаться основные материалы по истории комплектования коллекций музея, которые, к сожалению, отсутствуют.

Состояние археологической коллекции Донского музея в межвоенное время наиболее полно описано М.А. Миллером, работавшим с материалами музея в 1933 г. и осуществившим его реэкспозицию. Несмотря на перемещения по залам, коллекция сохраняла свою целостность до 1942 г., когда она стала жертвой прямого грабежа от рук немецко-фашистских вандалов (Рисунок 38). Потери военного времени зафиксированы в соответствующем Акте, написанном после освобождения г. Новочеркаска 13 февраля 1943 г. Поиск этих предметов представляет сложную исследовательскую задачу, поскольку речь идет не о целенаправленной выемке части коллекций пресловутой «Комиссией Розенберга», а о случаях мародерства.

Эпопея же пребывания древностей Донского музея за пределами Советской России продолжалась четверть века, вплоть до 1946 г. Тогда возвращаемые реликвии были внесены в т.н. «Красную книгу» или «Опись экспонатов Донского исторического музея, поступивших в Главное архивное управление МВД СССР из г. Праги в январе 1946 г.». Именно этот документ в определенной степени компенсирует отсутствующий предметный раздел «Каталога» и дает представление о той части коллекции, которая была связана с памятниками античности и средневековья (Документ 13). Однако и эти данные являются неполными, поскольку за границей с коллекцией войсковых реликвий и археологическими находками происходили сложные пертурбации. Незначительная, но важная для понимания истории античного Танаиса, часть коллекции осела в Париже, в музее Атаманского полка. Возможно, это не единственная «отколовшаяся» часть коллекции. Но эти находки, по крайней мере, известны по делам Археологической комиссии и возможна их идентификация по косвенным данным.

Поиск продолжается...

* * *

Значение проделанного Х.И. Поповым и его сотрудниками труда не укладывается в шаблонные рамки выполнения некоей текущей рутинной работы. История «Каталога археологического отдела Донского музея» — это, прежде всего, история людей, беззаветно любивших родной край и его великое прошлое. Людей, чьей подвижнической деятельности мы обязаны возможностью посещать залы Новочеркасского музея истории донского казачества и воочию видеть овеянные страницы древней истории Дона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 6 сентября 2018 г. в Новочеркасском музее истории донского казачества состоялся Ученый Совет, на котором было принято решение о работе над переизданием подготовленного Х.И. Поповым «Каталога». К этому собранию была подготовлена аналитическая записка, в которой были охарактеризованы основные материалы по истории составления и публикации этого музейного документа:

«Каталоги археологических коллекций занимают особое место в монографиях, сборниках статей и других научных изданиях. Составление же их играет важную роль в систематизации и популяризации археологического наследия. Задача совершенствования каталогов возникает в связи с качественными изменениями в археологии, выразившимися в расширении количества источников и увеличении объема извлекаемой из них информации, и в музейном сообществе, к которому постепенно приходит осознание важности изучения, описания и использования своих археологических фондов. Это делает актуальным изучение истории создания и структурно-содержательный анализ изданных археологических каталогов в аспекте возможности использования их потенциала в научно-исследовательской и просветительской работе в настоящее время.

Работа, проведенная в первые годы существования Донского музея его заведующим Х.И. Поповым выглядит практически беспрецедентно: на территории Российской империи был лишь один случай создания подобного научного описания. Причем в создании «екатеринбургского каталога» принимали участие многочисленные специалисты, обладающие соответствующим образованием и специальными знаниями, входящие в состав авторитетного научного общества. Х.И. Попов мог опираться лишь на сотрудников Комиссии по устройству Донского музея, среди которых не было ни одного специалиста не только с историческим, но и просто с гуманитарным образованием. Тем не менее, серьезная работа по учету коллекций была проделана к 1906 г., а характер описаний был таков, что даже современные попытки «переписать» их успеха не имели. Попытка сверки фонда археологических коллекций и их описания иными методами, предпринятая в 1979 г. Б.А. Раевым была признана неудачной.

О судьбе этого удивительного издания писали многие специалисты:

– «Х.И. Попов составил также каталог древностей Донского музея. Каталог этот не был закончен изданием и не увидел света. В собрании музея сохранился тираж уже отпечатанных (до 1905 г.) 14 листов, и редко кто из археологов-специалистов, занимавшихся изучением донских древностей, не прибегал к помощи этой работы Х.И. Попова» (Лукин Б.В., 1962, с. 11);

– «Уже через несколько лет после открытия Музея его фонды увеличились настолько, что возникла необходимость их систематизации и публикации. Необходимость издания печатного каталога диктовалась еще и тем, что в коллекции Музея уже в это время были сосредоточены чрезвычайно ценные, а порой и уникальные экспонаты. Такой каталог, автором которого являлся Х. И. Попов, был начат печатанием в 1900-х гг. Издание каталога не было завершено, и в его вышедшей в свет части содержится описание далеко не всех экспонатов Новочеркасского музея» (Каталог археологических коллекций, 1979, с. 4);

– «Известно, что текст его составлялся организатором и первым директором музея Х.И. Поповым, и по мере готовности частями передавался в Войсковую типографию. До недавнего времени в библиотеке музея хранились несброшюрованные отдельные печатные листы Каталога, поступившие из типографии. Несколько экземпляров этой уникальной книги, начатой печатью, но отпечатанной частично, были переплетены и хранятся, помимо библиотеки музея, в некоторых крупных специализированных библиотеках, куда их

в 1930-е гг. передали ростовские краеведы. Рукопись неизданной части, видимо, погибла вместе с типографией; во всяком случае, в фонде Х.И. Попова в ГАРО ее нет» (Пьянков А.В., Раев Б.А., 2004, с. 219);

– «В 1913 г. к своему 80-летию Х.И. Попов готовил издание археологических коллекций Донского музея. Часть тиража была отпечатана в типографии... После революции в начале 1920-х гг. несколько экземпляров неполного каталога Донского музея были собраны и сшиты в несколько отдельных «книжек», которые состояли из отпечатанных страниц каталога и таблицы иллюстраций к нему. Условно эти «книжки» были названы «Описание археологического отдела Донского музея» (б. г.)» (Ильюков Л.С., 2017, с. 595-596).

Некоторые суждения, связанные с историей Донского музея и «Каталога» его археологических коллекций выходят за рамки общепринятых научным сообществом мнений и отражают специфику авторского подхода: «В области войска Донского стараниями Х.И. Попова появляется «Музей истории донского казачества», в коллекцию которого мощным потоком пошли случайные находки из разрушенных природой и человеком курганов, а к 1914 г. подготовлен музейный каталог [Попов. Без года издания]. Активно работают ростовские краеведы-любители М.Б. Краснянский, А.М. Ильин. Возникает Ростовское на Дону общество истории, древностей и природы. Любительские раскопки в 1906 г. Ушаковского кургана привели к повышению интереса к донским памятникам» (С.И., 2013, с. 9). (Бойко А.Л. Аннотация научной работы «Археологический каталог Донского музея» Х.И. Попова: история создания и принципы научного описания коллекций // Научный архив НМИДК).

В научной литературе нет единого образца ссылок на издание, хранящееся в фондах Новочеркасского музея истории донского казачества. В авторитетном библиографическом указателе приведено такое название: «Описание археологического отдела Донского музея. / Сост. Х.И. Попов. – Новочеркасск, 19... – 224 с., 25 л. ил. Издание не закончено» (Русская археологическая литература... 1900–1917, 2003). Это далеко не единственный вариант за многие десятилетия (подобраны только отличающиеся друг от друга наименования этого труда, которые представлены в хронологической последовательности):

– Каталог Донского музея в Новочеркасске (неоконченное печатанием и несброшюрованное издание, относящееся ко времени 1905 г.)... Составитель каталога Х.И. Попов (Миллер М.А., Лукин Б.В., 1935);

– Попов Х.И. Описание археологического отдела Донского музея (Каталог Новочеркасского музея). Новочеркасск (без года, издание не окончено) (Шелов Д.Б., 1970);

– Х.И. Попов. Каталог Донского музея. Новочеркасск, 1914 (?) (Братченко С.Н., 1976);

– Попов Х.И. Описание археологического отдела Донского музея. Новочеркасск (б. г.) (Каталог археологических коллекций, 1979);

– Попов Х.И. Каталог Донского музея в Новочеркасске, 1914 (?) (Максименко В.Е., 1983);

– Попов Х.И. Каталог Новочеркасского музея. 1914. (Максименко В.Е., 1996);

– Попов Х.И. Описание археологического отдела Донского музея. Новочеркасск, 1900. (Черненко Е.А., 2012);

– «Каталог предметов Донского музея в Новочеркасске», составленный... Х.И. Поповым в 1913 (?) (Науменко В.В., 2016).

– Каталог археологического отдела Донского музея. Составил Попов Х.И. Новочеркасск (б. г.) (Ильюков Л.С., 2018).

В 2018 г. нами была предложена иная реконструкция полного названия этого труда (НМИДК КП-24096/84), опирающаяся на данные, приведенные в письме Х.И. Попова к П.П. Павлову от 17 сентября 1913 г., в котором речь идет о заказе работ для

«археологического каталога музея» (*ГАРО: Ф. 699, оп. 1, д. 20, л. 8-8об.*): «Попов Х.И. Археологический каталог [Донского] музея. / Новочеркасск — М.: 1913, 224 с., 23 илл.» (*Бойко А.Л., Дедюлькин А.В., 2018*). При подготовке этого издания была учтена сложившаяся в начале XX в. традиция публикации подобных документов и мнения современных исследователей. В итоговом варианте название публикуемого документа выглядит так: «**Каталог археологического отдела Донского музея**». В сокращенном варианте он указан в тексте очерка под названием «**Каталог**».

2. Среди различных находок, представленных на VIII Археологическом съезде в Москве (1890 г.) были представлены и «68. Три кольчуги, найденные в разных местностях области Войска Донского» (*Документ 7*). О происхождении этих предметов нет иных сведений, кроме указания на номер архивного дела в статье Н.С. Коршикова, опубликованной в профильном журнале «Советская археология» (. . ., 1985, . 123, 130). В ней сообщалось, что этот панцирь был случайно обнаружен крестьянами еще в 20-е гг. XIX в., передан В.Д. Сухорукову, и т. д. К сожалению, архивная ссылка «8. Список предметов, присланных на выставку в г. Москву к VIII АС — *ГАРО: Ф. 55, оп. 1, д. 881*», как и все остальные в данной статье, оказалась фиктивной. Тщательно оберегая найденную информацию, известный архивист использовал собственную систему «шифровки» местоположения реальных материалов, действительно хранящихся в собрании Государственного архива Ростовской области. Это, увы, подтвердило мою неутешительную характеристику подобных источников, данную еще в 2002 г. (*Бойко А.Л., 2002, с. 66*). Дешифровка закодированных Н.С. Коршиковым данных относится к числу трудновыполнимых задач. Остается надеяться, что естественный ход вещей — оцифровка документов, их публикация и открытый доступ к архивным данным — приведут к расширению наших знаний по истории изучения древностей Дона.

3. На Дону в начале XX в. были еще изданы:

— Каталог геологического, палеонтологического и горного отделений Донского музея. / Сост. В.В. Богачев. Новочеркасск: Обл. войска донского типография, 1906. 84 с.

— Каталог Ростовского-на-Дону городского музея. / Под ред. А.М. Ильина. Вып. 1. Ростов-н/Д.: Правл. Рост.-н/Д о-ва истории, древностей и природы, 1912. 127 с.

4. О судьбе анкетных данных XIX — начала XX вв. по археологическим памятникам Дона (*См. Бойко А.Л., 2016, с. 210-233*).

5. Надо отдельно отметить, что С.Н. Братченко, работавший в Новочеркасском музее в начале 60-х гг. XX в. и хорошо информированный В.Е. Максименко в своих масштабных работах (см. выше — *А.Б.*), незначительно изменяя название документа, всегда приводили 1914 г. в качестве времени публикации издания. Поэтому на реконструкции титульного листа указан именно этот год (*Рисунок 12*).

ЛИТЕРАТУРА

Богачев В., 1905. Отчет об изысканиях, произведенных на Кобыяковом городище и прилежащей местности в юрте Аксайской станицы Черкасского округа [Донской области] // Тр. XII АС. Т. 2. — М., 1905. С. 583-585.

Бойко А.Л., 2002. В поисках древнего Танаиса (Из истории изучения Недвиговского городища в дореволюционный период). — Ростов-н/Д.: РГУ, 214 с.

Бойко А.Л., 2014. Археологическая деятельность Комиссии по устройству Донского музея (1890 — 1920 гг.) // Тр. IV (XX) ВАС Т. V. — Казань. С. 115—117.

Бойко А.Л., 2015. Музей в Русской Вандее (архивные данные о работе Донского музея в годы Гражданской войны) // Архивы и архивное дело на юге России: история,

современность, перспективы развития: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 16-17 октября 2015 г.). — Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ. С. 185-191.

Бойко А.Л., 2017. О нижней хронологической границе «советского» периода в истории донской археологии. // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. М-лы XII МАКСИА (Ростов-на-Дону, 26—29 ноября 2017 г.) [редкол.: Е. В. Вдовченков (отв. ред.) и др.]. — Ростов-н/Д — Таганрог: Изд-во ЮФУ. С. 16-24.

Бойко А.Л., 2020. Политические элиты Области войска Донского и археология в XIX — начале XX в. // Тр. VI (XXII) ВАС. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. — Самара: СГСПУ. Т. III. С. 115-116.

Бойко А.Л., 2021. Формирование коллекции древностей «Кундрюченских песков» в собрании Донского музея. // КЗ. Вып. 14. Отв. ред. Е.В. Ситливая. — Ростов-н/Д.: Изд-во «Альтаир». С. 69-85, 204-207 (илл. 1-8).

Бойко А.Л., Толочко И.В., 2016. Криминальный антикварный рынок на юге России в конце XIX — начале XX вв.: «agente recitatore» Ф.С. Романович и «Tombarolo» А.А. Смычков. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Международная археологическая конференция. — Керчь. С. 43-56.

Бойко А.Л., Скирда И.Н., 2016. Участие Донского отделения Предварительного Комитета в подготовке и работе XII Археологического съезда 1902 г. в Харькове. // ИВУЗ СКР ОН. 2016. №1 (189). С. 28-35.

Бойко А.Л., Дедюлькин А.В., 2018а. Бронзовая матрица с рельефным изображением Марса из собрания Новочеркасского музея истории донского казачества. // XIX Боспорские чтения. Боспор киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Традиции и инновации. Междунар. науч. конф. Симферополь. / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. С. 56-59.

Бойко А.Л., Дедюлькин А.В., 2018б. Поиск продолжается... // Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Вып. 71. — Ростов-н/Д.: ЮФУ. С. 67-71.

Бойко А.Л., Толочко И.В., 2019. При явно неблагоприятных условиях: археология Дона в 1920—1931 годах. // Очерки истории отечественной археологии. Выпуск V. — М.: ИА РАН. С. 66-87, илл. 431-433.

Братолобова М.В., 2003. В.А. Харламов — казак, кадет, депутат Государственной думы (исторический портрет). // ИВ СКР ОН. 2003. № 2. С. 41-44.

Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы: (Периодизация и хронология памятников). — Киев: «Наукова думка». 251 с.

Герасимов Ю.В., 2012. Каталогизация археологических фондов в российских музеях: история и перспективы. // ВМ. 2012. № 1 (5). С. 139-147.

Данилевский И.Н., 2012. Исторические реконструкции: Методологические ограничения. // От текста к реальности: (Не)возможности исторических реконструкций. / Сб. статей под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. — М. С. 3—24.

Ильюков Л.С., 2009. Комплекс или отдельные находки из фондов Новочеркасского музея истории донского казачества. // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. — СПб. С. 512-515.

Ильюков Л.С., 2013. Назаровская находка 1914 г. // Хазарские древности. — Аксай. С. 176-192.

Ильюков Л.С., 2017. Сохранение историко-культурного наследия в Донском музее в канун революции 1917 г. // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917—2017.: материалы Всероссийской

научной конференции (Ростов-на-Дону, 27-30 сентября 2017 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матяшов]. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. С. 590-597.

Камозин Э.Э., 2005. Харитон Иванович Попов – донской краевед, просветитель и общественный деятель. // Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Вып. 33. – Ростов-н/Д.: РГУ, 2005. С. 55-61.

Каталог археологических коллекций, 1979. // Сост. Б.А. Раев. – Новочеркасск: НМИДК, 1979. 161 с.

Каталог геологического, палеонтологического и горного отделений Донского музея. / сост. В.В. Богачев. – Новочеркасск, 1906. 84 с.

Каталог Ростовского-на-Дону городского музея. // Под ред. А.М. Ильина. Вып. 1. – Ростов-н/Д.: Правл. Рост.-н/Д о-ва истории, древностей и природы, 1912. 127 с.

Коллекции Кавказского музея, обработанные совместно с учеными специалистами и изданные др. Г.И. Радде, директором Кавказского музея и Публичной библиотеки в Тифлисе: Т. V. Археология. / Сост. гр. П.С. Уварова, предс. Имп. Моск. археол. о-ва. – Тифлис, 1902.

Коршиков Н.С., 1985. Археологические исследования на Дону декабриста В.Д. Сухорукова. // СА, 1985, №1, С. 122-130.

Крылов А.Л., 1889. О старине Донской области. // Тр. VI АС. Т. IV. – Одесса, 1889. С. 26-73.

Лабунько Л.А., 2005. Уникальная находка Г.А. Ознобишина. // КЗ. Вып. 5. – Новочеркасск: «Полиграф-Маркет». С. 5-9.

Лунин Б.В., 1962. Археологическое изучение Подонья–Приазовья в дореволюционные и довоенные годы. // Археологические раскопки на Дону. – Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ. С. 5-21.

Лукьяшко С.И., 2013. Население Нижнего Дона в предскифское и скифское время (X–IV вв. до н.э.) Дисс... докт. ист. наук: 07.00.06. – М., 2013.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. – Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 1983.

Миллер М.А., Лунин Б.В., 1935. К вопросу о развитии хозяйственных форм доклассового общества в бассейне Нижнего Дона. // СКАЧК. 1935. №3. С. 73-126.

Мининков Н.А., 2000. Собрание рукописей П.П. Сахарова в Ростовском областном музее. // ИРОМК. Вып. 8. – Ростов-н/Д.: Изд-во «Эверест». С. 160-164.

Мининков Н.А., 2002. Павел Петрович Сахаров – историк донского казачества. // КЗ. Вып. 3. – Ростов-н/Д.: ДЮИ. С. 216-320.

Мининков Н.А., 2008. Жизненные циклы документа в контексте общественно-политической и культурно-исторической ситуации своего времени. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 8. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. С. 11-15.

Науменко В.В., 2002. В.В. Часовников – один из сподвижников и организаторов Донского музея. // КЗ. Вып. 5. – Новочеркасск: «Ростов-Офсет-Принт», 2002. С. 42-53.

Науменко В.В., 2016. Особенности учёта музейных предметов и ведения основной документации фондового отдела в Новочеркасском музее в 1930–1940 гг. // КЗ. Вып. 12. С. 171-193.

Никитин Д.В., 2016. Этапы формирования постоянной экспозиции Новочеркасского музея истории Донского казачества. // КЗ. Вып. 12. – Ростов-н/Д.: Изд-во «Альтаир». С. 194-209.

Николаева Э.А., 1999. Музей накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945). // КЗ. Вып. 4. – Новочеркасск: «НОК». С. 37-47.

Попов Х.И., 1869. Сведения о древних памятниках, находящихся в земле Войска Донского. // Тр. I АС. Т. I. – М., 1869. С. 166-183.

Потанов И.П., 1999. Начало пути (о зарождении, открытии и становлении Донского музея). // КЗ. Вып. 4. – Новочеркасск: «НОК», 1999. С. 7-23.

Пьянков А.В., Раев Б.А., 2004. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск). // МАВДС. Вып. 2. – Волгоград, 2004. С. 219-220.

Савчук Г.В., 2008. Хранилище донской старины. // ДВ. Год 2009-й. – Ростов-н/Д, 2008. С. 148-150.

Семёнов А.И., 1983. Романовское погребение и донские памятники предсалтовской культуры хазарского времени. // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 1983. С. 98-102.

Семёнов А.И., 1984. Рецензия на каталог археологических коллекций Музея истории донского казачества. / сост. Б.А. Раев. // СА. 1984. № 2. С. 278-282.

Серых Д.В., 2014. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. – Казань: «Отечество», 2014. 188 с.

Ситливая Е.В., 2021. Каталогизация научных коллекций в структуре деятельности Донского музея (начало XX века). // КЗ. Вып. 14. Отв. ред. Е.В. Ситливая. – Ростов – н/Д.: Изд-во «Альтаир», 2021. С. 94-98, 193-194 (илл. 1-7).

Ситливая Е.В., Бойко А.Л., 2014. Новые данные о поместье Х.И. Попова. // ДВ. Год 2015-й. – Ростов-н/Д, 2014. С. 200-202.

Тимощенков И., 1905. Отчет об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгиной [Донской области]. // Тр. XII АС. Т. 2. – М., 1905. С. 569-576.

Труды Донского отделения Предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда в Харькове. // Тр. XII АС. С. 563–568.

Труды Донского отделения Предварительного комитета про устройству XII Археологического съезда в Харькове. – Новочеркасск, [1900]. 38 с.

Харламов В.А., 1905. Доклад об археологических изысканиях в Первом Донском и Донецком округах [Донской области]. // Тр. XII АС. Т. 2. – М., С. 576–583.

Часовников В.В. Донская археология и этнография. // «Дон». Ежемесячный историко-литературный иллюстрированный журнал. 1887, № 1-5.

Черненко Е.Л., 2012. Отечественные музейные каталоги второй половины XX века. // ВПУ. 2012. Вып. 1 (18). С. 114-119.

Чернобрицкая Р.Д., 2005. Донской казак В.А. Харламов. // КЗ. Вып.5. Новочеркасск: «Полиграф-Маркет». С. 50-56.

Чибисова С.П., 1999. Неизвестная страница истории Донского музея в 1918 г. // КЗ. Вып.4. – Новочеркасск: «НОК». Вып. С. 33-36.

Шепелева Л.В., 2005. В.В. Богачев и его отчет о работах на Кобяковом городище. // Рубикон: Сб. науч. работ молодых ученых. – Ростов-н/Д.: РГУ. Вып. 35. С. 87-91.

Шелов Д.Б., 1970. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. – М., 1970.

Яковлев А., 1902. Плоские могилы каменного века на р. Чир в Донской области. // ТХП-КУ XII АС. Т. 1. – Харьков. С. 143-146.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗ	Археологические записки.
АМА	Античный мир и археология. Саратов
АС	Археологический сборник.
ВМ	Вопросы музеологии.
ВПУ	Вестник Пермского университета. История.
ГАРО	Государственный архив Ростовской области.
ДВ	Донской временник.
ДОВ	Донские областные ведомости.
ЗРОИДП	Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы.
ЗСКОАИЭ	Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии.
ИАИАИАНД	Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону.
ИАК	Известия Императорской Археологической комиссии.
ИВ СКР СОН	Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия общественных наук.
ИВУЗ СКР ОН	Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону.
ИРОМК	Известия Ростовского областного музея краеведения.
КЗ	Казачий сборник.
КЗ	Краеведческие записки: Сб. науч. тр. Новочеркасск.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии РАН.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
М-лы ... МАКСИА	Материалы XII Международной археологической конференции студентов и аспирантов.
ПК ОВД на ... год	Памятная книжка Области войска Донского Статистического комитета на ... год. Новочеркасск.
ПК	Приазовский край.
ПСЗ	Полное Собрание Законов Российской империи.
РА	Российская археология.
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив.
РО НА ИИМК	Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры.
СА	Советская археология.
СОВДСК	Сборник Области войска Донского Статистического комитета. Новочеркасск.
ТГИМ	Труды Государственного Исторического музея.
Тр... ВАС	Труды ... Всероссийского археологического съезда.
Тр...АС	Труды ... Археологического съезда.
ТХПКУ XII АС	Труды Харьковского Предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда.
ЦГИА	Центральный государственный исторический архив.
ЦДНИРО	Центр документации новейшей истории Ростовской области.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С.А. Сединко.</i> К ЧИТАТЕЛЮ.	5
<i>А.Л. Бойко, Е.В. Ситливая.</i> ОТ РЕДАКТОРОВ.	7
<i>А.Л. Бойко.</i> Археологические раскопки на Дону: от первой находки к первой экспозиции.	15
КАТАЛОГ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ДОНСКОГО МУЗЕЯ [текст].	70
ТАБЛИЦЫ РИСУНКОВ «КАТАЛОГА».....	176
ПРИЛОЖЕНИЕ I. Сведения о древних памятниках, находящихся в земле Войска Донского, извлеченные из разновременных описаний и частных записок и собранные лично Действительным Членом Донского Войскового Статистического Комитета Х.И. Поповым.	214
ПРИЛОЖЕНИЕ II. Документы рассказывают.. Тексты и документы XIX – XX вв. о создании и судьбах коллекций археологических находок Донского музея.	234
ПРИЛОЖЕНИЕ III. <i>А.В. Дедюлькин.</i> Амфорные клейма из собрания Донского музея.	259
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	265
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.	267
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.	270

Научное издание

**Археологические находки Донского музея:
Каталог коллекции Х.И. Попова**

Публикация текста, иллюстрации, вступительные статьи,
примечания и комментарии

Редакционная коллегия:

Сединко С.А., директор музея, руководитель проекта;
Ситливая Е.В., *ответственный редактор*, заместитель директора по научной работе;
Никитин Д.В., заведующий научно-экспозиционным отделом;
Бойко А.Л., *ответственный редактор*, к.и.н., старший научный сотрудник музея, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета;
Дедюлькин А.В., к.и.н., старший преподаватель Института истории и международных отношений Южного федерального университета;
Курасова М.В., хранитель фондов археологии музея.

Подготовка текстов, вступительные статьи,
подбор иллюстраций и приложений:
А.Л. Бойко, Е.В. Ситливая, А.В. Дедюлькин, М.В. Курасова.

Литературный редактор: **Л.И. Максименко.**
Художественное оформление:
А.В. Панова, М.О. Бойко.

Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
«Новочеркасский музей истории донского казачества».
346400, г. Новочеркасск, Ростовской области, ул. Атаманская, 38.
www.novochmuseum.ru
E-mail: nmidk_fond@mail.ru
Тел: 8(8635) 24-13-66

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел. 8(958)-544-59-25; 8(863)219-84-25.
E-mail: oooaltair_office@mail.ru
<http://altair-rostov.ru>

ISBN: 978-5-91951-682-8

9 785919 516828